

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

Е. В. ЧИСТЯКОВА

«СКИФСКАЯ ИСТОРИЯ» А. И. ЛЫЗЛОВА И ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В конце XVII в. стольник Андрей Иванович Лызлов написал книгу «Скифская история». Скифами автор называл монголов, татар и турок. «Скифская история» освещает историю борьбы России и ее соседей (западных и южных славян, румын, венгров) с татаро-турецким нашествием с XIII по XVI в. включительно. Особое место в книге отводится борьбе славянских народов и венгров с турецким игом. Автор касается взаимоотношений славянских стран между собой и подчеркивает роль России в славянском мире.

Впервые в русской историографии Лызлов подробно рассматривает проблемы истории народов Востока: татаро-монголов и турок.

Хотя «Скифская история» отражает уровень развития востоковедения, историографии и источниковедения в конце XVII в., до сих пор этот труд не подвергся исследованию.

Появление «Скифской истории» А. И. Лызлова не было случайным явлением. Оно объяснялось тем, что в последней четверти XVII в. вновь приобретает остроту проблема борьбы с Турцией и Крымом. Экономические успехи России в XVII в., возникновение мануфактур и формирование всероссийского рынка, а также рост централизации государства и укрепление армии позволили ей решать важнейшие внешнеполитические задачи.

Воссоединение Украины с Россией, окончание войны с Польшей и затишье на Балтике создали благоприятную обстановку для борьбы с частыми набегами крымских татар, поощряемых турецким султаном. Народы юго-восточной Европы страдали от внезапных и жестоких грабительских налетов с юга и были заинтересованы в их прекращении. Как показали исследования историков, на рубеже XVII и XVIII вв. военный потенциал разноплеменной Османской им-

перии несколько понизился. Когда-то воинственные янычары теперь имели семьи и стали обзаводиться хозяйством. Собственно Анатолию потрясли крупнейшие антифеодальные восстания (Кара Языджи и Дели Хасана)¹. Военно-ленная система землевладения в XVI в., и особенно в XVII в., видоизменилась. Служебные лены (сипахов и тимаров) захватывали на откупа представители дворцовой аристократии и родовщики, стремившиеся превратить их в наследственные².

В то время как на некоторых окраинах Османской империи начали складываться новые, капиталистические отношения, метрополия оставалась на низком уровне развития. Правящий класс Турции продолжал жить за счет грабительских походов. Но почва горела под ногами завоевателей. Южно-славянские народы предпринимали героические усилия, чтобы сохранить свою независимость и культуру³.

¹ Но в конце XVII в. Турция все же сохраняла свое видимое могущество. Теперь ее агрессия была направлена в сторону Юго-Восточной Европы. Как установил Н. А. Смирнов, она велась в трех направлениях: «...через Молдавию и Валахию на украинскую землю, через Крым в лице крымского хана на центральные районы государства и, наконец, через Черное море, устье Дона и Азов на Поволжье и юго-восточные окраины государства»⁴.

Заключение вечного мира России с Польшей в 1686 г. и создание антитурецкой священной лиги (Россия, Австрия, Польша, Венеция) усилили позиции держав в борьбе с Крымом и Турцией. Последовавшие за этим Крымские походы 1687 и 1689 гг. имели большое международное значение и показали, с одной стороны, уязвимость турецкого вассального государства — Крымского ханства, а с другой — решимость России переходить от обороны к наступлению⁵.

¹ А. С. Тверитинова, *Восстание Кара Языджи—Дели Хасана в Турции*, М. — Л., 1946.

² У. Х. Наджарян, *Упадок Турции в XVII в. и его причины*, — «Научные труды Ереванского государственного университета», т. 47, 1955; Б. А. Цветкова (София), *Аграрные отношения в Османской империи в XVI—XVIII вв. с учетом болгарских земель*. Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов в 1960 г. в Москве; сб. «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)», М., 1962.

³ И. Снегаров, *Турското владичество пречка за културното развитие на българския народ и другите балкански народи*, София, 1958; Б. Цветкова, *Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт*, София, 1958.

⁴ Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI—XVII вв.*, т. I, — «Ученые записки МГУ», вып. 94, М., 1946, стр. 4.

⁵ Г. К. Бабушкина, *Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг.*, — «Исторические записки», № 33, 1950.

Накануне борьбы за Азов в России появился особый интерес к общественному устройству и истории Казанского ханства, Крыма и Турции. Не удивительно, что десятками списков был распространен «Казанский летописец», пользовалась популярностью «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера. В хронографах освещались отдельные вехи борьбы с татарами и турками, получило распространение множество переводных сочинений.

В 70-х годах в России появилось описание Турецкой империи, в котором имелись военно-географические, топографические и статистические сведения о Порте. Издатель этого описания П. А. Сырку полагает, что его автором был сын боярский из Ельца Ф. Ф. Дорохин, пробывший в турецком плену с 1662 по 1674 г.⁶

В ряду этих книг важное место занимает «Скифская история». В ней автор не только рассказал о противнике, но и горячо призывал к единению сил европейских народов для борьбы с татаро-турецкой агрессией.

Биография А. И. Лызлова

Несмотря на то что биография автора «Скифской истории» туманна, все же попытаемся установить основные вехи его жизни.

Лызловы составляли род служилых дворян. Младшая ветвь этого рода, к которой принадлежал Андрей Иванович, ведет свое начало от дворянина Софония Меньшого (XVI в.): Его младший сын Елизарий был прадедом Андрея. Дед Андрея Аввакум-Федор служил воеводой в Старой Руссе (1631), Муроме (1635), Можайске (1640), был составителем переписных книг в Арзамасском уезде (1646). Остальные потомки Софония Меньшого являлись также служилыми людьми; они были воеводами в Калуге, Смоленске, на Устье Великом, на дозорных засеках.

Отец Андрея Иван Федорович Лызлов в 1662 г. служил на крымских «засеках» полковым воеводой и получил чин стряпчего, был воеводой в Юрьеве-Польском. В 1673—1675 гг. он занимался межеванием земель Троицко-Сергиевского монастыря в Серпейском уезде. Некоторое время был полковым и осадным воеводой в Нижнем и Верхнем Ломовых. 1679 год застает его в Путивле. В 1680 г. он — судья в Казанском и Поместном приказах, а в 1683 г. получает чин

⁶ «Православный палестинский сборник», т. X, вып. 3 (30), СПб., 1890, стр. X, XI, XXV.

думного дворянина и назначается патриаршим боярином. Об этом мы узнали из его родословной, поданной в связи с ликвидацией местничества в Посольский приказ⁷.

Лызловы имели земельные владения на Перемышльской засеке (часть села Озерск, Озерского стана), а также дома в Путивле и Москве. И. Лызлов дал хорошее образование своему сыну Андрею. Последний изучил польский, латинский и другие языки, владел строительным искусством.

Из отрывочных сведений, которые нам удалось почерпнуть в боярских книгах, мы узнаём, что в 1676 г. Андрей Иванович был переведен из стряпчих в стольники⁸. В 1678 г. вместо отца он был назначен полковым и осадным воеводой в Верхнем и Нижнем Ломовых⁹. А. И. Лызлов участвовал в Крымских походах. Таким образом, мы пришли к выводу, что Лызлов происходил из среды дворянства.

22 октября 1687 г., во время Крымских походов, Лызлов был послан из Москвы в Киев к воеводе Голицына И. В. Бутурлину с заданием вручить шесть золотых — жалованье Бутурлину «с товарищи», вернув расписку в Разряд¹⁰.

После возвращения из Крымского похода Лызлов подает в Малороссийский приказ жалобу на своих крестьян Сныткиных, которые, «разоря дом его и пограбя многие пожитки», сбежали и пытались через Разрядный приказ оформить отпусковую грамоту¹¹. Лызлов возмущен, что крестьяне пытались доказать, «будто они ему не крепки», т. е. не являются его крепостными. Эта деталь еще раз свидетельствует о социальной принадлежности историка.

Важная страница биографии Лызлова была связана с Воронежом. С самого начала Азовских походов он был их участником.

Как известно, базой подготовки кампании был район Дона. В 1695 г. Лызлова назначают в Коротояк принимать хлеб,

⁷ Родословная Лызловых и их послужной список установлены на основании следующих материалов: Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. Герольдмейстерская контора, д. 241, лл. 358, 359; ф. Разряд, Севский стол, д. 311, л. 597; ф. Дополнительный отдел Разряда, д. 150, л. 7; «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», М., 1869, т. 1 (кн. 15 467, лл. 21—45, 75—85); т. II (кн. 1062, лл. 74—76); «Дворцовые разряды», т. III, СПб., 1850, стр. 1053, 1106, 1122, 1149, 1285; «Дополнения к тому III Дворцовых разрядов», СПб., 1854, стр. 305.

⁸ ЦГАДА, ф. Разряд, Боярские книги, д. 7, ч. I, лл. 212, 269 об., 270 об., 614.

⁹ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерская контора, д. 241, л. 359.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Разряд, Московский стол, д. 702, лл. 70, 90.

¹¹ ЦГАДА, ф. Разряд, Безгласный стол, д. 150, л. 8. Впоследствии Сныткины жили гулящими людьми в Путивле.

поступающий для армии¹². Лызлову предстояло собрать с 24 городов и отправить на судах к Азову: муки — около 6 тыс. четей, сухарей — 18 тыс., круп овсяных — 3 тыс., толокна — 3 тыс. Уберечь все это от огня, воды и вообще порчи было делом трудным. Но еще сложнее было получить эти запасы с нерадивых воевод. Лызлов вел специальные тетради «нетчиков», не доставивших хлеба, чем возбуждал против себя недовольство.

Вскоре после первого Азовского похода (1696 г.) Лызлова переводят в Воронеж, где он должен был принимать хлеб и другие «запасы», прибывающие из пограничных городов юга¹³. На Лызлова сыпались доносы, что он якобы ложно обвиняет брянского, трубчевского и других воевод в недостатке хлеба¹⁴.

Кто-то через влиятельных лиц добивался отзыва Лызлова из Воронежа. Его вызвали в Посольский приказ к думному дьяку (тогда начальнику Посольского приказа) Е. И. Украинцеву, с тем чтобы «быть ему у строения и починки соборных церкви, что в Звенигороде»¹⁵. Но в Разряде ответили, что по указу царей он должен быть «у сбора доимочного хлеба» с городов Белгородского полка в Воронеже до окончания кампании.

Вызов Лызлова для строительства собора во время войны с Турцией был простым предлогом для устранения его от приема хлеба. Вместе с тем этот факт свидетельствует о том, что Лызлов был знаком со строительными работами.

Когда Азовские походы успешно закончились, Лызлов прибыл в Москву. 4 мая 1696 г. он сам доложил боярину Т. Н. Стрешневу о завершении своей службы на юге¹⁶. Служебная деятельность Лызлова пробудила в нем интерес к истории борьбы народов с татаро-турецкими завоевателями.

Сначала А. И. Лызлов занялся переводами исторических сочинений с польского языка. Об этом свидетельствует приписка, внесенная в исторический сборник, в который были включены отрывки из сочинений А. М. Курбского, Посланий к нему Ивана IV, отдельные главы из «Сарматии Европейской» А. Гваньини и из первой книги «Хроники» М. Стрыйковского.

В приписке, сделанной после заголовка к «Хронике» М. Стрыйковского, говорится: «Ныне же переведено от славе-

¹² ЦГАДА, ф. Разряд, Белгородский стол, д. 1407, л. 7.

¹³ Там же, д. 1429, лл. 272, 298.

¹⁴ Там же, лл. 486—493.

¹⁵ Там же, лл. 579—581.

¹⁶ Там же, д. 1465, л. 35.

нопольского языка во славенороссийский язык труды и тщанием Андрея Лызлова, *стольника* его царского пресветлого величества (курсив наш. — Е. Ч.), лета от сотворения мира 7190, от воплощения же слова божия 1682, месяца марта»¹⁷.

Трудно сказать, принадлежала ли Лызлову вся подборка документов в указанных сборниках, во всяком случае перевод фрагментов из «Хроники» Стрыйковского был сделан им еще в 1682 г. Таким образом, подбор материала для будущей книги Лызлов начал в 1682 г., т. е. за десять лет до ее завершения. Кроме того, данная приписка важна тем, что она еще раз подтверждает, что Лызлов был *стольником* при царе Федоре Алексеевиче, а не священником, как ошибочно указано в словарях и справочниках XIX и XX вв. с «легкой» руки смоленского историка, члена кружка Н. П. Румянцева, Н. А. Мурзакевича¹⁸.

На последнем листе описка из собрания Уварова есть приписка: «Сия Скифская история сочинения господина *стольника* Андрея Лызлова»¹⁹. В одном из списков начала XVIII в. на первом листе написано: «Дворянина Лызлова „Скифская история“»²⁰.

Таким образом, подтверждается факт светского, а не духовного происхождения автора «Скифской истории».

По-видимому, подготовка к Крымским походам содействовала дальнейшей работе Лызлова над вопросами борьбы с Крымом и Турцией. В 1686 г., будучи в Москве, Лызлов перевел с польского языка книгу Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого», напечатанную в 1646 г. в Кракове на польском языке. Лызлов записал в конце ее: «Переложено от словенопольского языка во словенороссийский язык Андреем Лызловым, лета мироздания ~~7197~~⁷¹⁹⁵ ^{Зрче} года (7195—1686), месяца ноемирия» (т. е. ноября)²¹.

После Крымских походов Лызлов вновь вернулся к своему труду и к 1692 г. окончил «Скифскую историю». Во всех дошедших до нас экземплярах совершенно четко проставлена

¹⁷ Государственный исторический музей (далее — ГИМ), ф. Уваровское собрание, д. 242/1585, в 1^о, л. 182.

¹⁸ Е. В. Чистякова, *Об авторе «Скифской истории» А. И. Лызлове*, — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского», М., 1961, стр. 285, 286. К сожалению, неверная версия о том, что Лызлов был смоленским священником, проникла и в недавно вышедшую книгу И. У. Будовница «Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы», М., 1962, стр. 161, 302.

¹⁹ ГИМ, ф. Уваровское собрание, д. 145, л. 752.

²⁰ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), ф. 310 Ундольского, д. 784.

²¹ ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460, л. 376.

дата: «...от Андрея Лызлова прилежными труды сложена, написана лета от сотворения света $\overline{\text{7200}}$ (7200), от Рождества Христова $\overline{\text{1692}}$ (1692 года)²². Никаких разночтений здесь быть не может.

То, что Лызлов закончил свой труд в период двоецарствия Петра I и Ивана V (умершего в 1695 г.), подтверждает и выписка из его книги: «...Дабы также преславнейшие и пресветлейшие и державнейшие государи наши (Иван и Петр. — Е. Ч.), обладатели преславных Московския монархии, наследовали преславных дел прародителей своих, прежних великих государей самодержцев Московского царствия... яко наискорее бы могли до конца оных нечестивых варваров победити...» (I, 205)²³, далее, говоря о сокрушении турецкого господства над славянами, автор восклицает: «...Дабы время то прийти могло во время благополучного царствования пресветлейших и державнейших благочестивых наших государей...» (III, 80). Таким образом, нет никаких оснований ставить под сомнение 1692 г. как дату написания книги.

Рукописные списки и издания «Скифской истории»

В настоящее время известно 32 списка «Скифской истории». Из них 19 обнаружено в Москве, 7 в Ленинграде, по одному в Калинин, Ярославле, Куйбышеве, Новгороде и Вильнюсе, один находится в Национальной библиотеке в Париже²⁴. Не исключена возможность нахождения новых списков, особенно в собраниях краеведческих музеев.

Списки «Скифской истории» можно разделить на полные и неполные. Полные списки включают: развернутый заголовок с указанием даты составления книги и фамилии автора, подробное оглавление «Скифской истории», перечень источников, использованных в книге, и ее текст со сносками на полях, приписку об издании книги «Двор цесаря турецкого» С. Старовольского и ее текст, состоящий из 24 глав, а также заключительные строки о времени ее перевода Лызловым.

Неполные списки «Скифской истории», как правило, либо

²² ЦГАДА, ф. 181, Рукописный отдел библиотеки Министерства иностранных дел, д. 56, 57.

²³ Здесь и далее ссылки на книгу А. И. Лызлова «Скифская история» даются по второму изданию Н. И. Новикова (М., 1787). Римская цифра означает часть, арабская — страницу.

²⁴ ГБЛ, микрофильм 27 235, 1960. Указан Л. В. Черепнинным. Список сделан с более древнего экземпляра, судя по поздней скорописи, — во второй половине XVIII в. Текст обрывается на л. 263 об. (это соответствует в печатном издании ч. II, стр. 79). Аналогично: ГИМ, ф. Музейное собрание, д. 1044.

совсем не содержат текста книги С. Старовольского, либо включают лишь часть ее. В некоторых неполных списках отсутствуют приписки об источниках и авторстве, начальные главы, или глава 7 («О пространстве обладательства турецкого») IV части.

Встречаются выписки из «Скифской истории», фрагменты ее текста, на латинском и немецком языках, очевидно принадлежащие перу Г. Миллера²⁵.

Из просмотренных нами списков старшими следует считать три экземпляра: Государственного исторического музея (ГИМ) (Синодальное собрание, д. 460), Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (собрание Ундольского, д. 783) и Библиотеки Академии наук в Ленинграде (д. 32.4.27).

Наиболее ранним и четко написанным списком полной редакции является список Синодального собрания ГИМа. Он представляет собой компактную книгу в 4°, содержащую 376 листов, переплет сделан из досок, обтянутых коричневой кожей с застежками. Водяной знак состоит из филигрании: голова шута с семью бубенцами и литер CDG, принадлежащих голландской бумаге 80-х годов XVII в.²⁶ В печатную рамку вписаны киноварью название книги, заголовки и инициалы. Буквенная нумерация листов и почерк — беглый полуустав — подтверждают, что это был один из старших списков, составленных, очевидно, в 90-е годы XVII в.

В заглавии указана дата составления книги (1692), которая повторяется во всех других полных списках. Не остается сомнения, что книга была написана А. И. Лызловым в 1692 г.

Примером позднего полного списка является список из Уваровского собрания ГИМа²⁷, на корешке коричневого кожаного переплета которого вытиснено: «Коллежского ассессора Петра Хлебникова». Поскольку Н. И. Новиков посвятил Хлебникову первое издание «Скифской истории», В. С. Иконников предположил, что издатель пользовался книгой из библиотеки Хлебникова: следовательно, данным списком²⁸.

²⁵ Н. В. Голицын, *Портфели Г. Ф. Миллера*, М., 1899, № 15, 81. Неполный список на немецком языке имеется в архиве АН СССР в Ленинграде (Р IV, оп. 1, № 216, ящ. 14).

²⁶ С. А. Клепиков, *Филигрании и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века*, М., 1959, № 940, 945.

²⁷ ГИМ, ф. Уваровское собрание, д. 145, 1762 г.; С. А. Клепиков, *Филигрании...*, № 1135; Леонид, *Описание рукописей графа А. С. Уварова*, ч. III, М., 1894, стр. 21, 22 (под № 1322 автор указывает, что Лызлов был не священником, как пишет Филарет, а стольником).

²⁸ В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, Киев, 1892, т. I, кн. 2, стр. 1152. П. К. Хлебникову посвящено первое издание «Скифской истории», ч. 1, в 8°, М., 1776.

На стр. 752 списка Уваровского собрания читаем следующее:

«Сия Скифская история, сочинения господина стольника Андрея Лызлова. Списана из библиотеки господина коллежского советника императорской Академии наук профессора и историографа Миллера 3 сентября 1770 г. Списана же отставным ревизион-коллегии канцеляристом Алексеем Михайловым сыном Нефелевым»²⁹. В этом списке даны тематические подзаголовки, на полях выписаны имена и географические названия, даты, а также сделаны различные замечания. Например: л. 73 о Улу-Мухаммеде — «гость опасный», л. 497 «турки побеждены», «погрешность в знании древности», л. 28 «погрешность в истории» (лл. 30, 408), «погрешность в географии» (лл. 33, 383), «здесь повторяется» (л. 50) и т. д.

Подобные пометы имеются и в другом списке, хранящемся в ЦГАДА в фонде «Рукописного отдела библиотеки МИД»³⁰. Список имеет надпись: «„Скифская история“ в пяти частях, с польского языка Андреем Лызловым переведенная 1692 года»³¹.

Правка, сделанная коричневыми чернилами, относится, по видимому, к 70-м годам. Даты переведены правщиком на новое летосчисление, на полях более четко написаны некоторые слова из текста (л. 4), сноски проставлены также на полях, а с л. 47 внизу страницы, обозначены первыми (а, b, с, d) или последними (x, y, z) буквами латинского алфавита. Очевидно, данный список сопоставлялся с другим; быть может, с подлинником.

Интересно отметить характер правки: не только технической, но и по содержанию. На полях сделаны следующие ремарки: «погрешности в знании древности» (л. 19), «погрешности в истории» (лл. 22, 153), «погрешности о принятии закона Махометова» (л. 30), «погрешности о рязанских [князьях]» (л. 31) и т. д. Большая правка проведена тем же почерком и в самом тексте: так, вместо слов царь и царица написано хан и ханша (л. 55), взамен слова «царство» поставлено «власть» (л. 71), слова «московскому государю» заменены на «российскому» (л. 95). Правщик отрицательно относился к вставкам церковного содержания: так, на л. 161 он восклик-

²⁹ ГИМ, ф. Уваровское собрание, д. 145, в 1^о, стр. 752.

³⁰ ЦГАДА, ф. 181, д. 56.

³¹ Там же (датируется 50—60-ми годами XVIII в.). На л. 1 указано: «История Скифская, перевод Лызловым с польского языка». Переплет из плотной бумаги чешуйчатой раскраски свидетельствует об архивной обработке, во время которой, очевидно, и была сделана неверная надпись о переводе.

цает: «суеверие о волхвах!», а текст о «чудесах» вымарывает из книги Лызлова³².

Таким образом, перед нами список, над которым тщательно работал человек, сведущий в истории. Он не только провел сверку текста, но и критически воспринял написанное, оставляя на полях и в тексте свои замечания. Трудно сказать, в чьих руках побывал данный экземпляр, возможно у Г. Миллера.

Некоторые списки книги поражают своими цветными роскошными заставками и заглавными буквами. Особенно красив список из Музейного собрания ГИМа³³. Этот список, по-видимому, был выполнен по заказу какого-нибудь высокопоставленного лица.

Близки к нему также расписанные киноварью полные списки Государственного исторического музея: из Востряковского собрания (в нем перечислено 14 имен султанов турецких)³⁴ и из Уваровского³⁵; к 1706 г. относится список из библиотеки А. И. Хлудова³⁶.

Список из Чертковского собрания (д. 25) обрывается на главе 13 книги С. Старовольского. В картотеке ГИМа ошибочно помечено, что он сделан с первого печатного издания. Но в первом издании опубликована лишь первая часть «Скифской истории», здесь же имеются все четыре. В рукописи сноски отсутствуют, в печатном издании они есть. Таким образом, этот поздний список составлен до опубликования книги Новиковым в 1776 г.

Образцом для переписки текста «Скифской истории» служил экземпляр, имеющийся в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина³⁷.

Составление рукописи в конце XVII в. подтверждается качеством переплета, буквенной нумерацией глав и листов, графикой письма. На л. 335, там, где киноварью выделены

³² Там же, лл. 255—258.

³³ ГИМ, ф. Музейное собрание, д. 2368, в 1^о, полуустав; судя по водяному знаку: герб Амстердама—AG, датируется 1702—1722 гг. (С. А. Клепиков, *Филиграни...*, № 885).

³⁴ ГИМ, ф. Вострякова, д. 868, в 1^о, полуустав; водяной знак: герб Амстердама—DI, датируется 1722г. (С. А. Клепиков, *Филиграни...*, № 973).

³⁵ ГИМ, ф. Уваровское собрание, в 1^о, д. 538. По «Описанию...» Леониды, № 1323.

³⁶ ГИМ, ф. Хлудова, д. 227. По «Описанию...» Леонида, № 1307.

³⁷ «Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского», М., 1870, стр. 20; ГБЛ, ф. Ундольского, д. 783, в 1^о. Книга заключена в коричневый кожаный тисненый переплет со следами застежек. Судя по водяным знакам (герб Амстердама, а также шит со львом в двойном круге), датируется 90-ми годами.

слова «в трех частях света, то есть во асиі егровпії, афріііе на полях есть приписка другим почерком (скорописью) и другими чернилами: «оставлять и приписывать не надобно для того, что одной главы в истории». Помета свидетельствует о том, что данный экземпляр служил текстом, который копировали переписчики. Это подтверждает и составление рукописи (до реставрации): она сильно истрепа-на, некоторые листы отделены от переплета, л. 101 имеет двойной текст, наклеенный лист оторван. На л. 340 помечено «Двор турецкий», дальше идут записи об авторстве и времени напечатания.

Текст кончается главой 22 (отсутствует последняя глава «О торжествовании нарочитых праздников» книги С. Старовольского).

В одном случае неполный текст «Скифской истории» был помещен в сборник вместе с «Историей казанской» и отказной грамотой турецкого султана польскому королю от 5 марта 1637 г.³⁸ Этот список аналогичен парижскому.

Изучение владельческих надписей на рукописях книги показывает, что «Скифскую историю» читали и во дворце и в каморке слуги.

На свои личные деньги приобрел книгу слуга Я. А. Татищева Иван Иванович Карцев в первые годы XIX в. Этот экземпляр затем попал к ученику артиллерийской школы В. И. Секерину, находившемуся в Иркутске³⁹.

Список, оказавшийся в архиве из библиотеки Волынского (очевидно, Артемия Петровича — государственного деятеля при Анне Иоанновне, казненного за участие в антибиرونском заговоре), на обложке имеет надпись: «„История Скифская“, переведенная Андреем Лызловым в 1692 г., с приложением повести о поведении и жительстве константинопольских султанов, в четырех частях»⁴⁰.

В рукописном отделе научной библиотеки им. Горького при МГУ хранится экземпляр «Скифской истории», который

³⁸ ГИМ, ф. Музейное собрание, д. 1044. Писан поздней скорописью второй половины XVIII в., обрывается на л. 263 об., гл. 4, ч. IV (по печатному изданию ч. II, стр. 79), как в Парижском списке

³⁹ ГИМ, ф. Музейное собрание, д. 3408, в 4^о, водяной знак (три лилии — герб Франции — и литеры УМ), относится к 1711 г. (Ch.-M. Briquet, *Les filigranes...*, vol. I, № 1734; С. А. Клепиков, *Филиграны...*, № 1417).

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 181, д. 57, в 1^о, на обложке надпись архивиста, возможно К. М. Оболенского. Такие же списки имеются: в собрании Воронцова (ф. 34, ЛОИИ) [дата перевода Лызловым книги Старовольского указана неверно (не 1647, а 1686 г.)] и в отделе рукописей Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника (№ 11 213), куда список попал из библиотеки В. С. Передольского.

принадлежал частной библиотеке Муравьевых⁴¹. После смерти декабриста, капитана гвардейского генерального штаба Никиты Михайловича Муравьева (1796—1843), библиотека, включавшая большое количество рукописных книг на разных языках, была передана его матерью Екатериной Федоровной в Московский университет, книжные фонды которого сильно пострадали от пожара в 1812 г.⁴² К Муравьевым список попал, по-видимому, после 1806 г. (на лл. 11—23 есть надпись: «Книга сия принадлежит живущему в Санкт-Петербурге на дворному советнику Василию Иванову сыну Устинову 1806 года»). В этом списке почти отсутствуют сноски.

Одним из наиболее интересных оказался список из архива БАН⁴³. На л. 1 на полях другими чернилами написано: «Татищева». Это один из старших списков; он датируется 90-ми годами. Текст трех частей татищевского списка (с л. 8 до л. 114) сильно правлен красными чернилами. Создается впечатление, что рукопись готовили к изданию или переписке: тщательно проставлены знаки препинания и ударения. В окончаниях слов (черниговские, переяславские и др.) вместо «е» поставлено «я» (л. 11). В словах «Ефрат» «ѳ» переделана на «ф» (л. 10), написание букв «о» всюду переправлено на более древнее «ѡ» (л. 8). В некоторых местах вставлены пропущенные слова: «о (втором) походе» (ч. III, гл. 5, л. 69 об.), «дерзновением (отвещаша)» (л. 70 об.), «прародителей (мужество)» (л. 70 об.), «большею (башнею)» (л. 77), «Дмитрия Ивановича (Донского) и поганым (Мамаем)» (л. 92), «у султана именем (Саладина)» (л. 160).

Исходя из этого можно полагать, что этот список был сверен с подлинником. На л. 20 была сделана вставка двух строк, пропущенных переписчиком (в печатном экземпляре, ч. II, гл. I, стр. 33).

Несколько иная правка была сделана черными чернилами, тем же почерком, что и надпись «Татищева». Во фразе «Иные историки...» (л. 5; в печатном, стр. 6) зачеркнуто слово «Москва», «россияне» переправлено на «Руссия», перед словом «Литва» вставлено «Польша». На полях сделаны уточнения некоторых слов, преимущественно собственных имен (Хингис, Ункам — л. 10, комета — л. 10 об., Мстислав — л. 11 об.).

⁴¹ Научная библиотека им. А. М. Горького при МГУ (далее — НБГ), 5. Gh. 27, в 4^о, скоропись, герб Амстердама — FOUMA; С. А. Клепиков, *Филиграни...*, № 1002 (датируется 1720—1724 гг.).

⁴² Шевырев, *История императорского Московского университета*, М., 1855; У. Г. Иваск, *Описание русских книжных знаков*, М., 1905.

⁴³ «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. 1, М.—Л., 1956, стр. 186; Библиотека Академии наук СССР (далее — БАН), д. 32. 4. 27, в 4^о, скоропись конца XVII в.

На пустом листе 4 есть надпись разными чернилами и почерками: «Велико има... [неразборчиво]. Сия книга, государю моему, то есть великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу». Эта надпись заставляет сделать предположение о том, что книга предназначалась для преподнесения царю.

Очевидно, с этого экземпляра по просьбе В. Н. Татищева в 1745—1746 гг. еще раз списали «Лызлову оригинальную татарскую историю, именуемую Скифия»⁴⁴. Так возник еще один список, хранящийся в данном собрании⁴⁵.

В этом списке после текста «Скифской истории» (на лл. 241 об.—243) приложена статья «О козарех»⁴⁶. В статье говорится о скифском происхождении хазар, их расселении, занятиях, обычаях, а также о покорении их половцами и татарами. По стилю текст этого приложения сходен со «Скифской историей» — то же стремление проследить историю народа.

Неполный экземпляр из коллекции рукописей Государственного архива Калининской области имеет помету: «Сия Скифская история досталась мне, Григорию Долгополову, ото вдовы Евдокии Сафроновны Сарафанниковой ноября 20-го 18.. (далее заклеено. — Е. Ч.). Пользовался Петр Симонъв». На оборотах переплета есть также пометы: 1812 г., 1894 г., «Книга Ржевского купца» и т. д.⁴⁷. Кадашевцу Панкрату Антипову сыну Врукину принадлежала «История о скифах и турках, и татарах», подписанная им 5 марта 1712 г. «своей рукой»⁴⁸. Список «Скифской истории» из собрания Саровской пустыни в конце оглавления имеет владельческую надпись: «Стяжатель сея книги троицкой иерей Наум Феофатов, что в Верхних Садовниках, за 6 рублей купил»⁴⁹. Таким образом, «Скифскую историю» читали представители ку-

⁴⁴ «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. 1, стр. 186.

⁴⁵ БАН, д. 32. 13. 6, скоропись; водяной знак: Pro patria — NS. Имеются киноварные инициалы и заставка в старопечатном стиле.

⁴⁶ БАН, д. 32. 13. 6; ГИМ, ф. Музейное собрание, д. 627. Текст статьи «О козарех» опубликован в примечании к книге «Никифор Адрианович Мурзакевич, историк города Смоленска», СПб., 1877, стр. 100, 101.

⁴⁷ Текст неполный, отсутствует гл. 7 части IV; датируется 1719—1726 гг. Список описан неверно И. Ф. Голубевым (см. его «Коллекция рукописей», Калинин, 1960, стр. 30, 31, № 187).

⁴⁸ В. В. Лукьянов, *Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного музея*, — «Краеведческие записки», вып. III, Ярославль, 1958, стр. 29, № 64/291, полуустав.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 1361, д. 279, полуустав, второе десятилетие XVIII в. (указан В. Н. Шумиловым).

печества и духовенства. Из собрания протоиерея Д. Левицкого рукопись «Скифской истории» попала в Виленскую публичную библиотеку⁵⁰.

В конце рукописи имеется фраза: «Конец книги сея», очевидно написанная переписчиком.

Списки составлялись начиная с 90-х годов XVII в. и по 70-е годы XVIII в., т. е. до первой публикации «Скифской истории» в 1776 г. Однако рукописные тексты имели хождение и позже, в XIX в.: их покупали, передавали по наследству, дарили, вели из-за них тяжбы.

Так, в марте 1700 г. некий А. Коробовский продал митрополиту Сибирскому и Тобольскому Игнатию Корсакову две книги — «Хрисмологион» и «Историю Скифскую» — за 11 руб., причем последняя стоила 9 р. 50 коп. Книга в переплете из белой кожи была написана в лист. Вскоре покупатель И. Корсаков из-за ссоры с патриархом Арсением был отправлен в Чудов, а затем в Симонов монастырь и объявлен сумасшедшим. Общение с ним прекратилось, его имущество было описано и попало частично к митрополиту Филофею, частично в Сибирский приказ.

Просьбы Коробовского, не получившего денег, о возвращении книги окончились неудачей. По мнению Н. Оглоблина, кто-то прельстился «дорогой и редкой книгой, возможно всеильный думный дяк» Сибирского приказа А. А. Виниус, и, по-видимому, подменил ее другой, стоявшей 1 руб....⁵¹

Стоимость «Скифской истории» в разное время помогает установить список из Самарского городского музея, к сожалению утраченный; на нем была проставлена покупная цена: в 1745 г. он был куплен за 3 руб., в 1895 г. — за 25 руб.⁵²

Книга А. И. Лызлова была издана почти через сто лет после ее написания. В 1776 г. в Санкт-Петербурге появилось первое издание «Скифской истории», подготовленное Н. И. Новиковым. Он напечатал лишь первую часть в 8° с названием всех глав⁵³.

⁵⁰ Центральная библиотека АН Литовской ССР, д. RKF 286. Подробное описание рукописи содержится в кн.: Ф. Добрянский, *Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковно-славянских и русских*, Вильна, 1882, стр. 469—474. У. Ф. Добрянского приведена дата составления Лызловым перевода книги С. Старовольского: ноябрь ЗРЧЕ, означающая 7195, т. е. 1686 г.; в скобках эта дата переведена ошибочно: 1683 г.

⁵¹ Н. Оглоблин, *Бытовые черты начала XVIII в.: XIV. Дело об «Истории Скифской»*, — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1904, ч. III, «Смесь», стр. 111 и сл.

⁵² «Самарский городской публичный музей и зал императора Александра II. Отчет за 1902—1903 гг.», Самара, 1905, стр. 9, 23.

⁵³ ГБЛ, ф. 233 (Полторацкого, 161), д. 39.

Через 11 лет, в 1787 г., в Москве вышло второе издание «Скифской истории». На этот раз Н. И. Новиков опубликовал всю книгу «в типографии Компании типографической» в 4°. Книга была заключена в хороший кожаный коричневый переплет, на корешке сделано золотое тиснение.

В обращении «К читателю» Н. И. Новиков указывает, что из текстов, имеющих в его распоряжении, он предпочел взять за образец один список «Скифской истории» из Патриаршего книгохранилища, на котором есть надпись о том, что «оний самим сочинителем отдан в Патриаршее книгохранилище». В фонде Патриаршего, или Синодального, собрания имеется экземпляр, но написан он не в лист, а в 4°, и на нем нет дарственной подписи автора⁵⁴. Но поскольку он является полным и наиболее ранним списком, примем его за основу.

Издавая древнерусские письменные памятники, Н. И. Новиков, как до него В. Н. Татищев, ставил как научные, так и просветительные цели. К этому времени были выработаны некоторые правила издания документов, сформулированные в одной из статей «Санкт-Петербургских ученых ведомостей» (27 января 1777 г.), а именно: наличие алфавитных указателей к сборникам документов, необходимость комментариев к текстам, перевод старого летосчисления на новое, сохранение всех особенностей стиля, составление легенды о месте хранения и внешнем виде памятника⁵⁵.

Таким образом, появилось теоретическое обоснование археографической работы над документами. Однако практически выполнить эти правила издателю не всегда удавалось. Публикование книги в более 600 страниц текста ставило перед издателем известные трудности.

Н. И. Новиков как археограф допустил в «Скифской истории» некоторые неточности в копировании текста,вольно передал структуру книги и не сверил сделанный Лызловым перевод «Двора цесаря турецкого» С. Старовольского с его польским оригиналом или более полным переводом 1678 г.⁵⁶

Сравнение печатного текста и рукописи начнем с заголовка:

⁵⁴ ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460; Савва, *Указатель для обозрения Московской патриаршей библиотеки*, М., 1858, стр. 199.

⁵⁵ П. Г. Соффинов, *Из истории русской дореволюционной археографии*, М., 1957, стр. 54, 55.

⁵⁶ ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 539 (изд. в «Памятниках древней письменности», т. XLII, СПб., 1883).

Рукопись

История Скифийская, содержащая в себе о названии Скифии и границах ея, и о народах скифийских монгаилах и прочих, и омазонах, мужественных женах их, и коих времен и яковаго ради случая татаре прозвашася, и от отеческих своих мест в наши страны приидоша, и яковыя народы во оных странах быша и де же ныне татаровя обитают. И о начале и умножении Золотыя орды и о царех, бывших тамо, о Казанской орде и царех их; о Махомете, прелестнике Агарянском, и о прелести, вымышленной от него, о начале турков и о султанах их.

От разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета от сотворения света $\overline{\text{X}}^{\wedge}\text{C}^{\wedge}\text{го}$ (7200), а от Рождества $\overline{\text{X}}^{\wedge}\text{C}^{\wedge}\text{го}$ Христова $\overline{\text{X}}^{\wedge}\text{C}^{\wedge}\text{го}$ (1692) ⁵⁷.

Сопоставление показывает, что Н. И. Новиков вольно передал заголовок рукописи Лызлова, опустил из него целые фразы. Оглавление книги по своей структуре и тексту также не совсем соответствует подлиннику. Издатель произвольно разделил текст на части, книги и главы: причем «книги» в основном соответствуют «частям», на которые делил рукопись автор. В последнюю, пятую книгу Новиков включил перевод «Двора цесаря турецкого», который в рукописи значится как 8-я глава IV части и в свою очередь состоит из 24 глав. Деление же на части, введенное издателем, не совпадает с делением, сделанным автором, и не является логичным: в I часть включены 3 книги (части по Лызлову), II часть соот-

Печатное издание

Скифийская история, содержащая в себе: о названии Скифии и границах ея; о народах Скифских,

о начале и умножении Золотыя орды и о царех, бывших тамо; о Казанской орде и царех их, и о взятии города Казани; о Перекопской орде или Крымской, и о царех их; о Махомете, прелестнике Агарянском, и о прелести вымышленной от него; о начале турков и о султанах их, с приложением повести о поведении и жительстве турецких султанов в Константинополе ⁵⁸. (Далее совпадает. — Е. Ч.).

⁵⁷ ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460.

⁵⁸ А. Лызлов, *Скифская история*, М., 1787, тит. л.

ветствует IV части текста Лызлова. Но совершенно неожиданно в середине раздела о султанах, с описания правления Сулеймана, Новиковым выделена III часть с пометой «продолжение IV книги» (последняя глава — 7-я).

Таким образом, структура, данная издателем, не облегчает, а затрудняет пользование книгой, тем более, что в издании нет единой нумерации страниц: книги I—3 (ч. I): стр. 1—206; кн. 4 (ч. II): стр. 1—223; продолжение кн. 4 (ч. III): стр. 1—81; кн. 5: стр. 82—196. Издатель не пояснил, почему в переводе «Двора цесаря турецкого» после главы 4 идет сразу глава 6.

В рукописном экземпляре «Скифской истории» после главы 7 есть вставка («Двор турецкий. Свидетельство» и т. д.) об обстоятельствах опубликования книги С. Старовольского.

Все эти пояснения, вставки и приписки автора были опущены Новиковым, и, таким образом, при издании текст «Скифской истории» оказался слитым с переводным сочинением «Двор султана турецкого», приложенным в конце рукописи. Кроме того, опущены данные, объясняющие историю польского издания книги С. Старовольского и дата перевода ее Лызловым⁵⁹.

Помимо указанных приписок, Н. И. Новиков опустил перечень использованных автором источников.

Следует отметить также неточную простановку издателем ссылок на источники. Дело в том, что сноски, поясняющие отдельные географические названия или имена, а также ссылки на источники и литературу даны у Лызлова на полях соответственно поясняемому тексту. Н. И. Новиков дал ссылки в конце каждой страницы (как и в современных изданиях), поставив их номера по своему усмотрению. Такой порядок привел к тому, что ряд сносок перескочил на не соответствующие им места.

По сравнению с подлинником в печатном тексте очень много ошибок при переводе дат на общеевропейское летосчисление: великий князь Симеон и митрополит Феогност ходили в Орду не в 6808 г., а в 6850 г. (1342 г.), Киев был взят в 6748 г. (1240 г., а не 1242 г.), Тамерлан напал на Русь не в 1295 г., а в 6903 г. (1395 г.), вместо 6579 г. (1071 г.) напечатано 971 г., вместо 1071 г.—1701 г. и т. д.

Таким образом, изучение рукописных текстов «Скифской истории» показывает единообразие их состава; они отличаются лишь степенью полноты текста. Следы правки оставил не автор, а, видимо, лица, работавшие над текстом.

⁵⁹ ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460, лл. 304, 332.

Рукописный текст отличается от печатного по структурному делению, по заголовкам; при публикации в него попали ошибки в именах и неточности в датах.

Владельческие надписи на рукописных экземплярах книги свидетельствуют о том, что автор не ошибся, апеллируя к широкому кругу читателей. Немногие труды по истории могли соперничать в этом отношении с книгой А. И. Лызлова. Высшей оценкой произведения по истории является степень его распространенности и глубина воздействия на современников.

Источники «Скифской истории»

Приписка Лызлова к оглавлению составляет своеобразную, хотя и очень неполную библиографию вопроса: «Книги историй, от них же сия история сочинися и написася... Степенная, Хронограф, Синописис, Летописец, История, Жития святых, Бароний, Плиний, Курций Квинт, Длугош, Меховский, Кромер, Стрийковский, Бельский, Гвагнин, Ботер»⁶⁰. Она позволяет судить о значении, которое автор придавал изучению исторических материалов.

Об этом же свидетельствуют и многочисленные сноски на полях, в которых Лызлов лаконично указывает фамилию автора, название книги, номера томов, листов и другие данные об использованных материалах.

Обширной группой исторических документов, нашедших отражение в книге А. И. Лызлова, являются отечественные источники. Не случайно и сам автор указал, что «Скифская история» «паче же из российских верных историй и повестей» сложена.

Поскольку русские летописи представляют собой своды очень разнообразного исторического материала, их использование в книге Лызлова обогатило изложение вопросов, непосредственно относящихся к истории России.

Пользуясь летописями как кладезем всевозможных исторических сведений и источников, Лызлов все время стремится проверить факты, дополнить их и выразить к ним свое отношение. Так, интересно его рассуждение о местоположении г. Козельска, оказавшего длительное сопротивление полчищам Батия: «О котором убо Козельцу старые летописцы Московские пишут, не вемы — о том ли, иже обретается от града Калуги в пятидесяти верстах, его же ныне, мало отменивши слово, Козельским называют, или о том, иже в Малой

⁶⁰ НБГ, 5. Gh. 27, л. 2.

России от Киева в шестидесяти верстах, его же и ныне Козельцом называют» (I, 36). Автор, по-видимому, ознакомился с Никоновской, Воскресенской, Архангелогородской летописями, Новым летописцем, Московским летописным сводом и др. В тексте часто встречаются ссылки на «русских летописцев» (см. ниже разбор содержания книги).

Из летописей и хронографов Лызлов брал не только различные исторические факты, но и переводные повести и сказания. Так, из хронографа первой редакции заимствована «Повесть о Махмете, о начале учения его и кончине», «Повесть о турках» и др. «Повесть о турках» начинается так: «Туркия или Тракия или Сарацинея — новый сей люд в те страны пришед ис татарского народу»⁶¹.

Лызлов широко ссылается на «Степенную книгу»⁶².

По «Степенной книге» даются даты княжений, освещаются отдельные факты взаимоотношений Руси с Ордой и т. д. Лишь в одном случае Лызлов дал неверную ссылку на степень 10, главу 6, где нет сведений о принятии мусульманства ханом Узбеком.

Лызлов широко использовал повести и сказания. Так, бой с крымским ханом в 1572 г. описан им по «Повести о бою воевод московских с неверным ханом», текст которой приведен у Н. М. Карамзина и которая явилась основой для со- ставления «Песни об отбитом наезде». Возможно, и в «Скифскую историю» повесть попала из Разрядных книг⁶³.

Лызлов же пересказывает возникшую в Венгрии (в г. Варадине) «Повесть об убиении Батыя», обработанную неким сербом и включенную в XV в. в русские летописи⁶⁴. Сличение текста повести, полностью изданной С. П. Розановым, с соответствующими строками «Скифской истории» показывает, что Лызлов привел ее сюжет в сильно сокращенном виде (I, 42—44): опущенными оказались все цитаты из священного писания, текст о св. Савве, обращения Владислава к богу и др.⁶⁵. Лызлов взял из повести материал о смерти Батыя, хотя, как известно, Батый умер в 1253 г. в Золотой Орде, через 12—13 лет после своего похода на Русь. Вслед за этим из труда

⁶¹ ГБЛ, ф. Румянцева, д. 457, лл. 496—506.

⁶² «Книга Степенная царского родословия, содержащая историю Российской с начала оных», ч. I, М., 1775.

⁶³ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, т. IX, СПб., 1892, Примечания, стр. 78, 79. Десять новых списков этой повести в Разрядных книгах обнаружил В. И. Буганов (*Разрядные книги как памятник русской культуры*, — «Вестник мировой культуры», 1959, № 6, стр. 109).

⁶⁴ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 139—141.

⁶⁵ С. П. Розанов, *Повесть об убиении Батыя*, Пг., 1916.

Гваньини Лызлов заимствовал текст о поражении и бегстве Белы IV, действительно правившего в Венгрии в момент нашествия Батыя.

Лызлов включил в «Скифскую историю» фрагменты из сказаний о Тамерлане (I, 57—59), в которых образно рисуется жестокость этого азиатского завоевателя⁶⁶.

На «Скифскую историю» оказала большое влияние «Казанская история», особенно в той части, которая касалась присоединения Казани⁶⁷. Вначале это были отдельные вставки текста: о границах Казанского ханства, о довольстве, о землях и т. д.⁶⁸. Из этого источника попало противопоставление «христиан» и «поганых», заботливое перечисление подвигов русских бояр и воевод. По мере приближения к описанию завоевания Казани Иваном Грозным наблюдается сплошной пересказ Лызловым «Казанской истории». Целиком вошла в текст «Скифской истории» глава «О первом взятии Казани», о походе русских воевод под Казань и т. д.

Из «Казанской истории» взят рассказ о посылке Иваном III в 1480 г. в Орду войск Нур-Даулета Городецкого (у Лызлова—Уродовлета) и воеводы Гвоздева-Звенигородского, обеспечивших успешное бегство полчищ Ахмата с Угры. Хотя в русских летописях нет сведений об их действиях, К. В. Базиливиц склонен видеть в этом истинный исторический факт (I, 71—72)⁶⁹.

Передавая чужой текст, Лызлов в то же время вступает в полемику с автором «Казанской истории». Приведем пример.

«Казанская история» (стр. 67):

И токмо воеводы московския на краях земля стояще, по градом, стрежаху прихода казанцев, боязнию одержимии и не смеюще на них выходить из градов. Тогда был князь великий недосу-

«Скифская история» (I, 101, 102):

...Токмо в некоторых пограничных градах имяше воинство сохранения ради прилежащих к ним стран. Зане велик страх объят все страны оныя от насилия сих поганых. Ратей же не посыла-

⁶⁶ «Автобиография Тимура. Богатырские сказания о хане Аксак-Темире», пер. В. А. Панова, М., 1934.

⁶⁷ «Казанская история», М.—Л., 1954, комм. Г. Н. Моисеевой.

⁶⁸ Лызлов (I, 81) — «Казанская история», стр. 44; Лызлов (I, 82) — «Казанская история», стр. 47; Лызлов (I, 84) — «Казанская история», стр. 48, 49; Лызлов (I, 104) — «Казанская история», стр. 69.

⁶⁹ ПСРЛ, т. XIX, стр. 202, 203; К. В. Базиливиц, *Внешняя политика русского централизованного государства*, М., 1952, стр. 101, 102.

жен воеватися с казанцы, брань бо имеяше с полским королем велику, з Жигиминтом, и воевашеся с ним сряду не почивая 20 лет.

ше тогда на Казань *не боязни ради некия*, но брани имяше с королем польским через двадесять лет непрестанно.

Он считал, что причина временного затишья на востоке объяснялась не страхом воевод, а необходимостью борьбы с Польшей⁷⁰.

При всей зависимости текста «Скифской истории» от «Казанской истории» Лызлов исправляет некоторые даты, встречающиеся в ней (I, 85—87), переставляет и опускает отдельные отрывки (например, послания, которыми обменивались митрополит и царь, молитвы)⁷¹.

Потерявший политическую остроту в конце XVII в. вопрос об участниках осады Казани, впоследствии опальных, был разрешен Лызловым в соответствии с «Историей...» князя А. М. Курбского, а не в трактовке «Казанской истории»; это сказалось в упоминании им дважды князя М. И. Воротынского (казненного в 1573 г.).

«Казанский летописец»⁷²:

О возвещении царю и великому князю, яко град Казань взята бысть и царь их ухващен.

И в той час возвестиша православному царю и великому князю, глаголюще: «Радуйся, благоверный державный царю!»

«Скифская история» (I, 182):

Потом и из града храбрый стратилат князь Михаил Иванович Воротынский (ему же вручено бяше под правление все воинство, отделенное на приступ ко граду, и подвизавыйся во брани той с начала приступа, даже до взятия совершенного) присла к государю с ведомостию, извещаючи глаголя сице: «Радуйся благочестивый самодержче...»

Насколько Румянцевский список «Казанского летописца», который в некоторых случаях использует Лызлов, отличался

⁷⁰ Лызлов (I, 93—95) — «Казанская история», стр. 58—60; Лызлов (I, 97) — «Казанская история», стр. 61; Лызлов (I, 98) — «Казанская история», стр. 62; Лызлов (I, 99) — «Казанская история», стр. 63.

⁷¹ Здесь и далее сравнение ведем по Румянцевскому списку Казанского летописца, текст которого отличается от «Казанской истории», изданной Г. Н. Моисеевой (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стр. 414, 436 и след.).

⁷² ПСРЛ, т. XIX, стр. 462.

от изданной Г. Н. Моисеевой «Казанской истории», показывает следующее сравнение:

«Скифская история»
(I, 132—133):

А сам православный царь поиде от Муром трудным путем, чрез частые леса, и, прешед леса, изыде в чистые поля. В пути же том бог провождаше благочестивого царя со христианским воинством не иначе, яко Моисея со израильтяны чрез пустыню⁷³. Ибо всюду всякие неудобства безбедно прохаждаху, и пищу, богом посланную, довольно приимаху. Ибо множество бьяше в полях тех зверей, ко ядению удобных, яко лосей, еленей, коз, кабанов и прочих; такожде от воздуха птиц премножество, и в водах рыб преизобильно бьяше; и воистинну рещи: богом посланная пища бьяше воинству. Ибо сами зверие прибегаху и птицы прилетяху и обретахуся в полцех между воинствы, яко сами

«Казанский летописец⁷⁴»:

О богом посланной пици воинским людем. И посем от града Мурома поиде чистым лесом и чистым полем. И таковое многое воинство всюду, яко богом уготованную пищу обретаху: на поле убо всяким овощием довольна, от животных же лоси, яко самозвани, на закочение прихождаху; в реках же множество рыб ловяху; от воздуха же множество птиц прилетяху, и во всех полцех на землю припадаху, яко сами вдающися в руке на пищу человеком.

«Казанская история⁷⁵»:

Царь же князь великий преиде часть поля того... и тяжек ему явися путь той и всему воинству его: от конских ног взимаему на высоту песку и не бедити солнца и небеси и всего воинска идущего, и тоска велика все воинство обдержаше; мнози же челоуцы изомроша от солнечного жара и от жажда водныя, иссохша бо вся дебри и блата, и малыя реки полския не тецаху путем своим, но мало разве воды в великих реках обреташеся и во глубоких омутех, но тои сосудами, и корцы, и котлы и пригорщамы в час един до суха исчерпаху, друг друга биущи и угнетающи и задавляющи; ни отец сына пощажающи, ни сын отца, ни брат брата, нини же росу лиза-

⁷³ Сравнение взято из Патриаршей летописи (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, 1904, стр. 182).

⁷⁴ ПСРЛ, т. XIX, стр. 406, 407.

⁷⁵ «Казанская история», стр. 125.

вдающиеся на пищу христианскому воинству: ими же все воинство довольно изобиловашеся. Егда же приспе пост пресвятыя богородицы, тогда никако обретахуся к ядению дивия звери, ниже птицы: точию рыбы в водах преизобильно наипаче умножахуся.

Когда же приспе пост святыя богородицы, и в тыя дни никако же не видахом ни птиц, ни лосей

ху и тако жажду свою с нуждею утоляху.

Из двух списков «Казанской истории» Лызлова привлечен тот, в котором вопреки фактам о трудностях похода изображена библейская картина слетающих птиц и сбегających диких зверей для прокормления войска, идущего на восток.

Особенно часто попадаются ссылки на Засекин летописец⁷⁶. Как правило, все известия, взятые из этого источника, относятся к правлению в Казани Улу-Мухаммеда. Причем рассказ о появлении хана под Белевом находится в противоречии с официальной трактовкой этих фактов в других русских летописях. В данном источнике говорится, что Улу-Мухаммед послал «с молением к великому князю Василию: да повелит ему жити в странах своих». Василий якобы разрешил ему кочевать в белевских местах на берегу р. Оки.

Из этого источника взяты сведения о сыне Улу-Мухаммеда Мамотеке, зарезавшем своего отца и младшего брата, после чего два других сына Улу-Мухаммеда перешли к Василию Темному⁷⁷. Некоторые сведения сообщаются здесь о казанской ханше Суюнбеки, являвшейся дочерью ногайского князя (I, 107, 113). Возможно, Засекиным летописцем Лызлов называет список «Казанской истории».

⁷⁶ Список первой редакции Софийской первой летописи был известен Н. М. Карамзину под названием Засецкого списка (А. А. Шахматов, *Обзорение русских летописных сводов*, М.—Л., 1938, стр. 208, 209). Возможно, Засекин был владельцем рукописи. На одном из списков хронографа третьей редакции есть надпись: «Сия книга, глаголемая гранограф, стольника Ивана Ивановича Засецкого, а подписал сию книгу своею рукою лета 7201—1693 году, феврения в 5 день» «см. «Описание рукописной библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине», М., 1860, № 39, стр. 85).

⁷⁷ Ссылки на Засекин летописец имеются в ч. I на стр. 62, 65, 70, 88.

Рассказ о столкновениях России с Крымом в первой половине 50-х годов XVI в. приведен Лызловым по сочинению А. М. Курбского «История о великом князе Московском». Сравним «Скифскую историю» с рассказом А. М. Курбского

А. И. Лызлов (II, 49)⁷⁸:

По сеѣ лета (7063—1555) прииде весть к государю к Москве, яко хан Девлет-Гирей с воинством многим, прешед заливны морския близко Астрахани, пошел воевати земли пятигорских черкас; государь же, видев благополучно время отомстити поганым обиды своя, посла на Крым воинство свое, над ними же постави воевод Ивана Большого Васильевича Шереметева, Льва Андреевича Салтыкова, Алексея Даниловича Басманова и прочих и ти идоша с воинством путем на Юзюм Курган.

А. М. Курбский⁷⁹:

И потом, того же лета, прииде весть ко царю нашему, иже царь Перекопский со всеми силами своими, перепроводясь через проливы морские, пошел воевати землю черкасов пятигорских; и сего ради послал царь наш войска на Перекоп аки тринадесять тысящей, над ними же поставил гетманом Иоанна Шереметева и других с ним стратилатов. Егда же наши поидоша через поле великое к Перекопы дорогою лежащею, глаголемую на Изюмкурган.

Следуя Курбскому, Лызлов дополняет его рассказ, но в то же время не включает многих подробностей, имеющих в летописях, например в Никоновской⁸⁰.

Лызлов включил в свой текст такое крупное произведение, как «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера. Анализ М. Н. Сперанского показал, что Лызлов дополнял текст хронографической «Повести...» из «Степенной книги» и делал свои пояснения (ч. II, гл. 4)⁸¹: так, «Повести...» предпослан рас-

⁷⁸ ГБЛ, ф. 310 Ундольского, д. 783, л. 166 об., 167,

⁷⁹ «Сочинения князя Курбского», т. I, СПб., 1914, стр. 220.

⁸⁰ ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 256; ср. Г. Д. Бурдей, *Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50-х гг. XVI в.*, — «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», т. XLVII, 1956, выпуск исторический, стр. 199—201.

⁸¹ М. Н. Сперанский, *Историко-литературный обзор повестей и сказаний о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв.*, — Центральный государственный архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ), ф. 439, оп. 2, д. 35, л. 59 и сл. Статья частично опубликована в кн.: М. Н. Сперанский, *Из истории русско-славянских литературных связей*, М., 1960, стр. 211—224.

сказ, взятый, по-видимому, из польских источников о подготовке взятия Константинополя турками при Мехмеде II, о роли флота и артиллерии, о низкой боеспособности византийского войска и т. д.; сделана вставка о судьбе царицы и двух племянниц царя (у Лызлова ошибочно дочерей; II, 191). Назаданиями дополнен рассказ из хроник Стрыйковского и Кромера о казни туркофила Гертука (Луки Нотары)⁸². Из книги Гваньини автором делается вставка «о сокровищах».

Как видно из ссылок в книге А. И. Лызлова, особенно много дополнений фактического характера к «Повести о Царьграде...» сделано автором из «Степенной книги». М. Н. Сперанский насчитал семь таких вставок⁸³. Кроме того, Лызлов усиливал эмоциональную направленность описания, приводил наиболее драматические эпизоды осады столицы Византии турками.

По наблюдениям М. Н. Сперанского, Лызлов «последовательно исключает все благочестивые размышления составителя „Повести“ по поводу свыше предрешенной неминуемости гибели Царьграда, исключает все молитвы, влагаемые „Повестью“ в уста царя и патриарха»⁸⁴. И, хотя Лызлов приводит знамения и восклицания о «грехах», все же здесь чувствуется отход от прежнего провиденциализма.

Лишь один раз в книге Лызлова встречается ссылка на жития святых.

Лызлов использовал (в «Скифской истории») фольклор. Помимо южнославянских песен о турецкой неволе, он включил в текст изречения и пословицы. Так, в разделе о хищнической политике турецкого султана он приводит следующие поговорки: «Что собирать и готовить, еже ин ясти имать» или «Чего ради имать то сеять, еже ин собирати будет» (III, 61). В другом месте Лызлов пишет: «...турки обыкоша глаголати, яко идеже конь великого султана заступит ногою, тамо уже не зарастает травю» (III, 64) или «ибо множеству велико доволен бе един противитися». Некоторые мысли он облекает в форму афоризмов: «Не может кроткое овча между свирепыми волки питатися, сице и отрочато от оного волка утешитися» (III, 17) или «Яко слово верное кому бы ни дано было, подобает его крепко держатися» (III, 19) и т. д. Так научный рассказ оживляется приемами устной речи.

⁸² Рассказ этот приведен и в Густынской летописи (ПСРЛ, т. II, 1843, стр. 357); М. Стрыйковский, *Хроника...* (ГБЛ, ф. 228 Пискарева, д. 171, лл. 885, 886 об.).

⁸³ М. Н. Сперанский, *Из истории русско-славянских литературных связей*, стр. 217—220.

⁸⁴ Там же, стр. 219.

Лызлов привлек документальные материалы приказного делопроизводства. Из книг посольского двора или из Разрядных книг им взяты сведения о переговорах Турции и России при царях Федоре и Борисе Годунове, об основании городов на юге России, постройке укреплений, линий обороны и т. д.

Как видим, Лызлов пользовался весьма разнообразными источниками: летописно-историческими, литературными, поэтическими и отчасти делами приказного делопроизводства.

Конечно, автор далеко не исчерпал всех русских материалов, имевшихся в его распоряжении. Он недостаточно использовал собственно летописные записи, оставил без внимания такие произведения, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», цикл «Сказаний о Мамаевом побоище», не заглянул в сибирские летописи, в очень слабой степени изучил акты документы.

А. И. Лызлов был знаком с украинскими историческими трудами, получившими затем общероссийское значение. Он неоднократно ссылается на «Синописис печатный Киево-Печерский», составленный под наблюдением архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля в начале 70-х годов XVII в. и тогда же напечатанный на русском языке⁸⁵. По «Синописису» Лызлов излагает битву на р. Калке, рисует взятие татарами Киева в 1240 г., Куликовскую битву 1380 г. и т. д.⁸⁶ (I, 22, 37, 54—55).

Система изложения и оформление ссылок очень сходны у Лызлова с «Густынской летописью», список которой в 1670 г. был сделан иеромонахом М. П. Лосицким⁸⁷.

Близка к «Скифской истории» по содержанию глав, касающихся Турции, хроника игумена Михайловского монастыря Феодосия Сафоновича, составленная в 1681 г.⁸⁸.

В разделе «Енеалогия турецкая, откуда взяли свой почла-

⁸⁵ С. Л. Пештич, «Синописис» как историческое произведение, — «Труды отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XV, М.—Л., 1958.

⁸⁶ «Синописис», СПб., 1810, стр. 129—188.

⁸⁷ ПСРЛ, т. II.

⁸⁸ «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа А. Ф. Толстова», 1825, отд. 1, № 236 (ГПБ, ф. 550, д. Ф. XVII. 19, лл. 30—125, под названием «Хроника з летописцев стародавних святого Нестора Печерского и инших, также с хроник польских о Руси, Отколь Русь почалася и о первых князех русских, и по них далших наступующих князех и о их делах. Собранная працою иеромонаха Феодосия Сафоновича, игумена монастыря Михайловского золотоговерхого Киевского, року от сотворения света 7180, от Рождества Христова 1672»).

ток» Сафонович пишет: «Хочем ли обачити, откуль турки пошли — не иначе едино с татар початок их выводити мусим. Албо вем наперед, Отоман, продок их, розбоем жил, як и татарове. Указует то одинакая мова (язык), одинакий строй, одинакие обычаи, едина вера, одинакий способ военной стрельбы лучной». И далее следует мысль, неоднократно подчеркнутая Лызловым: «Хочеса мало мовою не згожают, одинак так их розный язык от татарского, як польский от русско-го, албо ческаго, албо влоский от гишпанского»⁸⁹. Вслед за Сафоновичем Лызлов перечисляет завоевания турок во всех частях света, интересуется военным строем турок (ср. у Сафоновича «Порядок о рыцарстве цесаря турецкого») и т. д.⁹⁰.

В указанных трудах украинских историков и в «Скифской истории» использованы одинаковые польские и латинские источники. Поскольку упомянутые исторические труды возникли раньше «Скифской истории», есть основание полагать, что через них автор знакомился с произведениями западно-европейской, в частности польской, историографии.

Лызлов с огорчением отмечает гибель многих книг отечественной историографии: некоторых фактов «не обретається в летописях скудости ради их, браней ради и пленений непрестанных от татар даже до сего времени» (I, 83).

Ограниченность источниковедческой базы побуждала автора расширить круг источников за счет привлечения зарубежных, в основном польских, материалов, а также произведений латино-итальянских и других авторов.

Лызлов подчеркивает вспомогательное значение для своего труда этих источников, которые «зде на свідетельство и подтверждение летописцам російским привести потщуся» (I, 80). Автор не склонен преувеличивать значение используемых им трудов. Так, он отмечает, что некоторые народы «потаени и незнаеми греком и латинником».

Лызлов приводит сведения из работ Геродота («История греко-персидских войн»), Квинта Курция («История Александра Великого»), заимствует строки из «Илиады» Гомера и «Энеиды» Вергилия, цитирует многие стихи Овидия Назона, очевидно в передаче польских авторов.

Из переведенных на польский язык трудов латинских пи-

⁸⁹ ГПБ, ф. 550, собрание Д. М. Голицына, Ф. IV, 215, л. 228 (227). Ср. Лызлов, II, 107.

⁹⁰ ГПБ, Ф. IV. 215, 231 и об. Интересно, как Сафонович оценивал свой труд: «Каждому, вем, потребная есть речь — о своей отчизне знати и иншим пытающим сказати, бо своего роду не знаючих людей за глупых почитают». И далее снова сходно с Лызловым: «Що тады из розных летописцев руских и кроник польских вычитаем, тоє пишу».

сателей Лызлов неоднократно ссылается на «Театрум света всего...» Иоанна Ботера и «Годовые дела церковные» Цезаря Барония⁹¹. Лызлов был знаком с трудами польских хронистов XV—XVI вв.: Яна Длугоша (1415—1480) «История Польши», Мартина Бельского (1495—1575) «Хроника всего мира», Матвея Меховского (1457—1523) «Трактат о двух Сарматиях», Матвея Стрыйковского (1547—1582) «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси»⁹², Мартина Кромера (1512—1589) «О начатии поляков и о делах, от оных соделанных», Александра Гваньини (вторая половина XVI в.) «История Сарматии Европейской», Бернарда Ваповского (1480—1535) «Хроника» и прочих.

Как упоминалось выше, Лызлов полностью перевел книгу С. Старовольского. После 7-й главы, IV части в рукописи имеется приписка, которая поясняет историю польского издания «Двора цесаря турецкого». В ней говорится: «Двор турецкий. Свидетельство: ксионз Яков Устенский, святого писания и уставов обоих учитель, рассмотритель книг, в типографию относимых, просмотрев книжку под именем «Двор цесаря турецкого», от велебного ксионза Симона Старовольского, кантора Тарновского, собранную от повестей и книг италийских, яко согласна есть со знаменитыми повестями и историями свидетельствованными. Юже (многу ради мужей ученых на уничижение безумия поганского) соизволяю, дабы была напечатана». И далее: «Печатана в Кракове в типографии Францишка Цесаря лета 1649»⁹³.

Книга «Двор цесаря турецкого» в течение XVII в. была напечатана пять раз (первое издание в Кракове, 1646), два раза в XVIII в. и два раза в XIX в. (последнее издание: Краков, 1858)⁹⁴.

⁹¹ Ц. Бароний, *Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 г.*, М., 1913 (этим изданием мы пользовались).

⁹² Укажем польское издание этого труда: *Kronika polska, litewska, zródka i wszyskiej Rusi Macieja Strykowskiego*, t. I—II, Warszawa, 1846 (далее М. Стрыйковский, *Хроника...*).

⁹³ ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460, л. 304; см. также БАН, д. 32.4.27, л. 256; Государственный архив Калининской области, д. 649, л. 223 и др. Симон Старовольский родился в Староволи на Волини во второй половине XVI в. В 1612 г. он поступил в Краковскую академию наук, где в 1618 г. получил звание бакалавра. Будучи учителем А. Конецпольского, он много путешествовал. Во время пребывания в Италии в 1624—1631 гг. Старовольский воспользовался местными материалами для составления книги «Двор цесаря турецкого». В 1638 г. он стал ксендзом, был кантором Тарновским, каноником Краковским, казначеем Краковской кафедры. Старовольский скончался в 1656 г., оставив около 70 работ, написанных на польском и латинском языках.

⁹⁴ «Dwór cesarza tureckiego i rezydencya jego w Konstantynopolu pisany Szymona Starowolskiego», Kraków, 1858.

Во всех полных списках «Скифской истории» в заголовке помечено: «Разделяется же в четыре части, к тому приложена повесть о поведении и жительстве в Константинополе султанов турецких, еже переведено от славено-польского языка во славено-российский язык им же Андреем Лызловым». В конце книги есть точная дата перевода: «Переложено от славено-польского языка во славено-российский язык Андреем Лызловым лета мироздания 7195-го, месяца ноемирия»⁹⁵; следовательно, перевод был сделан Лызловым в ноябре 1686 г., а не в 1683 г., как полагает Е. М. Иссерлин⁹⁶.

Изучение текста «Двора цесаря турецкого», имеющегося в «Скифской истории», и сравнение его с переводом, выполненным для Федора Алексеича в 1678 г.⁹⁷, показывает, что Лызлов делал вставки и давал пояснения к тексту Старовольского специально для читателей. Так, в первой фразе он добавляет: «С ним [султаном] же мы, россияне и поляки, ближнее соседство имеем» (гл. I). Имеется вставка о стрельбе из лука и др.

Интересна концовка перевода: у Лызлова «славному же нашему славенскому народу, иже близ его обитаем, изволил дати мудрость, мужество и единовольное согласие со всеми христианы...» и «одержати... благосчастныя победы»; в переводе 1678 г.: «а православному самодержцу нашему...» (л. 153 об.).

Отмечается один существенный пропуск в тексте Лызлова (3 листа главы 5 и начало главы 6). По-видимому, этим можно объяснить путаницу в нумерации глав (в рукописи после четвертой сразу идет шестая)⁹⁸.

Лызлов переводит слова русскими терминами, больше приближающимися к бытовым выражениям той эпохи⁹⁹.

⁹⁵ ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460, л. 376 об.

⁹⁶ Е. М. Иссерлин, *Лексика русского литературного языка второй половины XVII в.* (Автореферат), Л., 1961, стр. 8. Автор не упомянула, что князь М. Кропоткин, находясь в 1690 г. в Белграде, сделал перевод книги Старовольского с краковского издания 1689 г. Об этом см.: А. Е. Викторов, *Каталог славяно-русских рукописей... Д. В. Пискарева*, М., 1871, стр. 45; ГБЛ, ф. Музейное собрание, д. 608 (Пискарева, д. 173), л. 35.

⁹⁷ ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 539. Неточный перевод опубликован Леонидом в «Памятниках древней письменности», т. XLII, СПб., 1883.

⁹⁸ ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460, л. 308 об.; ср. с д. 439, лл. 26—29.

⁹⁹ Исходя из этого, нам трудно согласиться с выводом Е. М. Иссерлин о том, что Лызлов в соответствии с традицией церковнокнижной письменности искал слова с более общим значением (Е. М. Иссерлин, *Лексика русского литературного языка XVII в.*, М., 1961, стр. 16—18, 38, 72).

«Двор цесаря турецкого»
(перевод 1678):

- гл. 5. О пошлинах и податех
градцких
гл. 7. О судех и справедливо-
сти турецкой
гл. 12. О столе...
гл. 13. О стаини...
гл. 17. О упражнении цесаря
в Шарою

«Двор султана турецкого»
(перевод Лызлова):

- гл. 6. О пошлинах и дохо-
дах градских
гл. 7. О судех и праве ту-
рецком
гл. 12. О трапезе...
гл. 13. О конюшне...
гл. 17. О утехах султанских
в Сарае

Проведенное выборочное сличение показывает, что Лызлов не следовал переводу книги Старовольского, сделанному до него, а переводил текст сам, субъективно трактовал отдельные места, вставлял или опускал значительные отрывки, делал пояснения от себя, иначе переводил отдельные фразы заголовков, толковал термины и т. д.

Наиболее основательно, как указывалось выше, Лызлов использовал «Хронику...» Стрыйковского¹⁰⁰. Труд этот до сих пор не подвергнут основательному источниковедческому анализу, между тем значение его определяется не только разработкой истории Литвы и Польши, но и тем влиянием, которое он имел на историографию России и Украины. В «Хронике...» Стрыйковского синхронно изложены события по истории славянских стран, включая Россию, в период средневековья. Стрыйковский, написавший свой труд в 1582 г., основывался на произведениях греко-римских писателей, а также в занимательной форме пересказывал то, что было сделано до него в польской историографии: «Хронику...» Яна Длугоша, «Хронику света» Мартина Бельского, «Трактат» и «Хронику» Матвея Меховского, труд Мартина Кромера «О начале поляков», «Хронику» Бернарда Ваповского и др.¹⁰¹

Как указывалось выше, Лызлов еще в 1682 г. перевел отдельные фрагменты из «Хроники...» Стрыйковского на русский язык. В предисловии к своему переводу «Истории о начале исшествия народов, обитающих на земли... размноженных по потопе от трех сынов Новых» Лызлов пишет: «И по них бывших наследников их, где который народ прежде селе-

¹⁰⁰ ГБЛ, ф. 228 Собрание Пискарева, д. 171 (606), перевод 1688 г. Для сравнения с оригиналом мы пользовались также польским изданием.

¹⁰¹ Следует отметить, что Стрыйковский в своей «Хронике...» уделяет большое место войнам между Россией, Литвой и Польшей, тщательно подчеркивая случаи поражения первой и ратные подвиги литовских феодалов. Это надо иметь в виду при изучении степени влияния «Хроники...» на русскую и украинскую историографию.

ния своя имели и ныне имеют и откуды различными прозваниями именовавшихся. Паче же истинныя и свидетельством многим летописцов утвержденный вывод и начаток славенских многочисленных народов российских, московских, польских, чешских, болгарских, сербских, босенских, карвацких, рацких, далмацких, иллирицких, молдавских и протчих славенский язык естественне имеющих». И далее Лызлов замечает: «Еже из многомрачных пропастей неведения обретено бысть ко умножению славы народов славенских, труды и тщанием кроникаря польского Матфея Стрыйковского и напечатано своим его именем во граде Кралевце (ныне Калининград. — Е. Ч.), области кралевства Польского в типографии Георгия Остербергера, лета от воплощения слова божия 1582»¹⁰². Так высоко Лызлов оценивал труд своего предшественника.

Сравнение «Скифской истории» с «Хроникой...» Стрыйковского показывает большое текстуальное сходство труда Лызлова с «Хроникой...». Целые страницы текста Стрыйковского, иногда вместе с ссылками на труды других авторов и пояснениями географических терминов на полях, включены Лызловым в его «Скифскую историю». Так, дословно совпадают в 1-й книге: рассказ о комете, предшествовавшей битве на р. Калка, о болгаргах-волгаргах, об археологических памятниках на полях «Можарских», о правлении татарских ханов (Джанибека, Бердибека и др.), о событиях в Восточной Европе в XIV в., об Ольгерде и т. д.

Однако, широко пользуясь материалами «Хроники...» Стрыйковского, Лызлов не ограничивается простым копированием или приведением отдельных цитат. Об одном и том же событии он нередко приводит высказывания из работ двух-трех авторов, присоединяясь к мнению одного из них.

В первых строках своей истории он дословно цитирует текст Стрыйковского, который пересказывает слова Диодора Сицилийского о происхождении скифов¹⁰³. Но при этом замечает, что другие историки (например, А. Гваньини) «мнят повесть ту быти лживую или басни в себе содержащую». И далее уже пересказывает «Историю Сарматии Европской»¹⁰⁴: «Границы же скифские с запада от реки Дону (а Ботер, описатель всего света, полагает от Волги, еже и приличнее имать быти)». Таким образом, передавая сведения, по-

¹⁰² ГИМ, ф. Уваровское собрание, д. 242/1582, в 1^о, л. 181.

¹⁰³ М. Стрыйковский, *Хроника...*, ч. 1, стр. 231.

¹⁰⁴ «О Европской Сарматии в границах и околичностях ея и стран, которые в себе содержат, и живущего в ней народа описание сицево» (ГПБ, ф. 550, д. Q IV 56, л. 31). С началом «Скифской истории» дословно совпадает текст на лл. 219 об., 220.

черпнутые в «Хронике...» Стрыйковского, Лызлов проверяет и сравнивает их с данными из других произведений и вносит свои поправки.

На стр. 27—30 Лызлов приводит текст из «Хроники...» Стрыйковского вместе со ссылками последнего на польские источники о пребывании болгар и половцев в Причерноморье. Далее автор считает необходимым сделать следующее пояснение: «Зде может быть читателю усумнение, яко един историк во единых местех изъявляет двоих народов жителей, Болгаров и Половцев... еже может тако разуметися: яко той болгарский народ, или прежде сих в тех странах жили, а по них на те места половцы и печенези из-за Днепра... придоша; или яко пространны суть страны те, оба народы, един в полях, то есть половцы и печенези, а другие, то есть болгары, ближе подле моря жительствовавали» (I, 299). Так, комментируя, сопоставляя сведения из польских хроник, автор старается уточнить факты.

Рассказывая о нашествии трех армий Батыя, Лызлов вслед за Стрыйковским ссылается на «летописцев польских Кромера, Длугоша, Меховского», причем ссылка на Кромера Лызловым уточняется (I, 38)¹⁰⁵. Дальше он сверяет сведения по труду Гваньини и замечает: «яко о том пишет летописец польский Александр Гвагнин в кронике польской: глаголет бо, во время государствования в Польше Болеслава Пудика, то есть Стыдливого (его же кралевства начало, пишет он, лета от Христа 1243 и по сему его свидетельству прибыло два лета приходу татарскому. Обаче не довлеет един он в свидетельство против трех верных выше именованных старых летописцов)» (I, 39)¹⁰⁶. Так, сравнивая данные разных историков, Лызлов в некоторых случаях стремится поправить неточности в датах, встречающиеся у польских хронистов.

Пересказывая сведения Стрыйковского о борьбе татар с войсками литовского князя Ольгерда, Лызлов пишет: «Того ради лета от Христа 1333 (имать быти 1361: ибо Стрыйковский пишет, сего князя Олгерда имуща брань с великим князем Московским Дмитрием Ивановичем лета 1332, его же государствование началось, по известным российским лето-

¹⁰⁵ М. Стрыйковский, *Хроника...*, ч. I, стр. 234.

¹⁰⁶ Полное название труда итальянца Александра Гваньини из Вероны на русском языке следующее: «История Сарматии Европской, в ней же заключается королевство Польское со всеми... княжениями и державами своими, тажежды великое княжение Литовское, Русское, Прусское, Жмудское, Инфляское, Московское и часть татаров». Польский перевод с латинского напечатан в Кракове в 1611 г. (ГПБ, ф. 550, д. Q XVII, 28).

писцам, лета 6870, а от Рождества Христова 1362)» (I, 52). Из этой фразы видно, что автор отдает предпочтение датировке русских летописей.

Автор стремится проверить не только даты и факты, но и генеалогию татарских ханов. Например, он не соглашается с мнениями Стрыйковского и Гваньини по поводу родственных отношений Узбека и Батыя: «Сего Азбека Стрыйковский называет сыном Батыевым, такожде и Гвагнин о татарех пишущи. Но несть тако, ибо по смерти Батыеви до 6815 (1307) лета, в не же начат владети Азбьяк, имать сочестися 59 лет. И по сему свидетельству несть той сын Батыев» (I, 48). В действительности Узбек начал править в 1312 г. и был прапра-внуком Батыя¹⁰⁷.

Приводя рассказ Стрыйковского о набегах Сеид-Ахмата (Садахмата) на Подолию, а также о его бегстве с девятью сыновьями и мурзами в Литву, Лызлов пишет: «Зде сумнительно... Еже сице разумеется» (I, 68) и приводит сведения из «Степенной книги» (степень 15, глава 2).

Иногда он сравнивает текст Стрыйковского не с одним, а с несколькими источниками. Так, устанавливая дату гибели Ахмата в сражении с ногайским ханом Иваком при возвращении с Руси, он пишет, что «Казанская история» датирует это событие 1480 г., так же как «Степенная книга», а Стрыйковский считает, что Ахмат (или Шахмат) был убит в 1477 г., т. е. «треми леты токмо прежде летописцов российских». Лызлов приходит к следующему выводу: «Но или сице, или тако, обаче от сего времени прииде Орда в конечное запустение» (I, 72).

Приведенные примеры показывают, что Лызлов не только переписывал текст «Хроники...» Стрыйковского, но и пытался проводить сопоставление его с другими источниками.

Хотя рассказ А. И. Лызлова о борьбе западных и южных славян с турецкими захватчиками в значительной степени основан на польских материалах, по построению и общей направленности он перекликается также с работой сербского историка «Турска история или Кроника, верно и истинито списана од некого србина или бошнака, званог Михаило Константинов из Острвице»¹⁰⁸. Автор пишет о мусульманской религии, о генеалогии султанов, истории борьбы славян, преиму-

¹⁰⁷ М. Г. Сафаргалев, *Распад Золотой Орды*, — «Мордовский государственный университет», вып. XI, Саранск, 1960, таблица «Родословие ханов Золотой Орды».

¹⁰⁸ «Михаила Константиновича, србина из Острвице, „История или летописи турские“, списаны около 1490 г.», — «Гласник србског ученог друштва», кн. 18, Белград, 1865, стр. 45 и сл.

щественно сербов, с османами, об устройстве турецкого войска и его борьбе со славянами: «Како се има постројити против тога христијанска војска»¹⁰⁹. Эти же вопросы нашли отражение и в «Скифской истории».

Как указывалось выше, в разделе о турках Лызлов использовал также повесть «Турция или Тракия или Сарацинея — новый сей люд в те страны пришед ис татарского народу», которая попала в отдельные редакции хронографа, по предположению А. И. Соболевского, из польской литературы.

В «Повести о Мехмете» говорится об учении Мухаммеда, общественном устройстве Турции, дается родословие турецких султанов. О том, что Лызлов пользовался польским вариантом «Повести о Мехмете...», свидетельствуют включенные в нее славянские песни о турецкой неволе.

В хронографе текст повести заканчивается песней о турецкой неволе. Лызлов также приводит этот текст, но в более широком варианте (на две страницы печатного листа). Так, он начинает песню со слов:

Сие несогласне христиан принесе,
Яко поганых на главы своя вознесе;
Государство бо стоящие немалый век
Взяша, и днесь у них в неволи всяк человек...

(III, 75—76)

В хронографе же текст песни начинается через 37 строк со слов:

Что прежде Христа имели в свободе,
То ныне дорого купят в поганском народе...

(III, 78)

Таким образом, Лызлов использовал славянские песни о турецкой неволе шире, чем хронограф¹¹⁰.

Использование Лызловым польских источников иногда давало ему возможность привести дополнительные факты. Так, сражение русской рати под командованием князя П. Серебряного с турецкими войсками, посланными Селимом II под Астрахань, в 1569 г. он излагает по рассказу польского посла в Турции (в 1574 г.) А. Тарановского Белины «О приходе турецкого и татарского вонства под Астрахань»¹¹¹. Русские

¹⁰⁹ Там же, стр. 163.

¹¹⁰ ГБЛ, ф. Румянцева, д. 457, лл. 496—503.

¹¹¹ Этот рассказ был включен в «Хронику...» Стрыйковского, который был в посольстве. (П. Броневский, *О Стрыйковском и его хронике*, — «Финский вестник», СПб., т. XVIII, 1847, № 6, стр. 7).

источники замалчивают победу князя Серебряного, впоследствии казненного¹¹².

Нам представляется знаменательным обращение русского историка к польской исторической литературе XVI—XVII вв., так как в ней очень остро ставились общеславянские проблемы. Не случайно родоначальник польских хронистов XV в. Ян Длугош, изучая историю Польши во взаимодействии с другими народами, писал: «Поэтому и я, имея уже седую голову, стал учиться русскому письму, чтобы наша история была более верною»¹¹³.

Несмотря на свою приверженность католицизму, и Матвей Меховский тревожился за судьбы русских, которых «ежегодно татары и турки мучат, полонят и продают в рабство»¹¹⁴.

В «Хронике света» М. Бельского, изложившего «Хронику» Б. Ваповского и труд М. Кромера, приводятся мнения о единстве происхождения и судеб славян¹¹⁵. Лызлов широко использовал «Хронику света» М. Бельского в главах, посвященных истории Турции, особенно статьи: «Зачало о турецких царех, как зачались турецкие цари, и о войне турецкия земли», «О делах турецких и о житии их», «Роспись царствам, сколько под турецким царем царств...», «О вере и о молитве турецкой» и т. д.¹¹⁶.

Работа над широким кругом источников помогала Лызлову правильно оценить место Руси в истории европейских народов, ее роль в борьбе славян против татаро-турецких агрессоров, разобраться в событиях в соседних славянских странах.

Привлечение украинской и польской историографии дало возможность Лызлову до некоторой степени преодолеть богословско-догматический провиденциализм и объяснить причины происходивших событий реальными фактами.

Интересны высказывания Лызлова в отношении отдельных авторов и их книг. Так, Ботера он называет «итальянин, всего света описатель». Приводя сведения из труда Ботера о взятии Казани Василием III Ивановичем, а Астрахани — Иваном IV, Лызлов замечает: «знать, в то время писал Ботер книгу свою, егда была Казань под Московскою державою, ибо многажды отступоваху и одолеваемы бываху» (I, 78).

¹¹² «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», М.—Л., 1954, стр. 372. Ср. также «Послания Ивана Грозного», под ред. В. П. Андриановой-Перетц, М.—Л., 1951, стр. 550—552 (комментарий Я. С. Лурье).

¹¹³ И. Первольф, *Славяне. Их взаимные отношения и связи*, т. II, Варшава, 1888, стр. 101.

¹¹⁴ Там же, стр. 102.

¹¹⁵ Там же, стр. 112—116.

¹¹⁶ ГПБ, ф. 550. Основное собрание рукописной книги, Ф. IV, 162, лл. 639 об., 686 об., 688, 689.

Отмечая международное значение Куликовской битвы, Лызлов вслед за Стрыйковским, «хроникарем польским», не ограничивается простой ссылкой на Герберштейна, а дает следующие пояснения: «Яко свидетельствует Жигмунт Герберштейн (муж земли Цесарския, бывый не единою послом великим в Москве от цесаря Римского Максимилиана); в книге своей пишучи о Московском государстве...» (I, 55)¹¹⁷.

Автор поясняет географические названия. Он приводит разные названия города Килии, «иже от древних греков Лифостротон назван мнят неции быти»; или: «Монкаструм — иже и Белград Волосский называется, стоящий на устиях Днепра реки» (II, 212). Лызлов поясняет, что название страны «Георгиана» произошло от веры грузин в христианского мученика Георгия. Или в другом месте: «Неции утверждают, яко то была страна Колхийская, яже ныне зовется Мингрелия», и в сноске: «Мингрелия — страна у Хвалисского моря, близко Персии» (I, 15); или «Белгиана (Бенгалия) — область близко Индии»; «Калка — не далеко Дону», «Торговица — на устье реки Буга, за Уманью 25 верст» (I, 23, см. сноски).

В этих лаконичных пояснениях проявляются элементы исторической географии.

В одном месте Лызлов указывает на важность изучения древних сооружений, «иже близко реки Волги, иде же обретаются палаты многия обветшавшия и до ныне явным того свидетельством» (I, 45).

«Скифская история» представляет интерес и с точки зрения развития этнографических знаний в России XVII в.

Лызлов добросовестно выписывал из трудов Гваньини и Стрыйковского легенды о происхождении народов, о названии скифов, о делении Скифии на Европейскую и Азиатскую. Автор делает вывод о собирательном значении этого названия.

Лызлов считает русских славянами, которые лишь граничили со скифскими племенами. Он пишет: «В соседстве и в прилежности с ними (скифами. — Е. Ч.) всегда жили славяне, прародители наши, Москва, россиане и прочие, их же древние историки для общих границ одинако и обще скифами и сарматами называли» (I, 9). Говоря о происхождении татар, он приводит легендарные сведения Гваньини (от Скифа, сына Геркулеса), Ботера (от древних иудеев) и других авторов. Поскольку Геродот связывает со скифами происхождение женского племени — амазонок, Лызлов включил популярную легенду об амазонках в свой раздел о происхождении народов. Он изложил версию о татарском происхождении амазо-

¹¹⁷ М. Стрыйковский, *Хроника...*, ч. II, стр. 10, 11.

нок, живших якобы у р. Фермодонта, пересказал, следуя Дю-дору Сицилийскому, сведения об их участии в Троянской войне, а также об их переговорах с Александром Македонским и привел четверостишие о них из «Энеиды» Вергилия.

Голштинец А. Олеарий, посетивший Россию в XVII в., включил в свой рассказ легенду об амазонках, ее принимал за истину и живший в первой половине XVIII в. Б. К. Тредьяковский. Нет ничего удивительного, что рассказ о воинственных женщинах, создавших свое государство, попал на страницы «Скифской истории». При этом следует принять во внимание всемирное распространение легенды, ее многовековую живучесть, а также, как установил М. О. Косвен, отсутствие даже в современной науке ее сколько-нибудь удовлетворительной трактовки¹¹⁸.

Лызлов, полемизируя с М. Бельским, пишет: «Название турком за много сот лет перед сим явно было... паче же и самой историк противится сему, приводящи на свидетельство инаго историка» (II, 121)¹¹⁹. И далее: «Начало народа турецкаго вышеписанными и иными многими свидетельствами утверждается быти от скифийского, то есть татарского народа, еже покажет одинако наречие, одинакий обычай, одинакий порядок военный». Таким образом, Лызлов ищет корни происхождения народов, исходя из этнографических признаков. При этом он замечает: «Аще в наречии и разнство имеют, но невеликое, яко московское от польскаго» (II, 107), которым он владел до тонкостей.

Внимание к лингвистическим данным проявляется в книге и в других случаях. Так, приведя путаные объяснения польских хронистов о происхождении половцев и готов, от которых якобы идут литва (ятвяги) и пруссы, он вполне реалистически пытается объяснить название половцев: живших в полях, занимавшихся ловлей зверя, «полеванием» и «полоном» — грабежом (I, 30).

Таким образом, в лингвистических наблюдениях проскальзывает понимание Лызловым роли языка как одного из элементов этнической классификации. Лызлов интересовался происхождением имен политических деятелей. Так, говоря о Темир-Аксаке, он отмечает, что русские «летописцы называли Темир-Кутлум, а татарове Темир-Кутлу, то есть щастливое железо, латинские же списатели называли его лютым Тамер-

¹¹⁸ М. О. Косвен, *Амазонки. История легенды*, — «Советская этнография», 1947, № 2—3. Автор склоняется к мысли о появлении этой легенды у разных народов в период матриархата.

¹¹⁹ Бельский считал, что турками стали называть племена, пришедшие в Малую Азию после завоевания ими Фракии.

ланом» (I, 58). Однако здесь Лызлов вслед за источниками путает имя золотоордынского хана Тимура Кутлука (1397—1399) с завоевателем Средней Азии Тамерланом.

В каждом разделе своей книги Лызлов описывает быт, нравы, верования, военный строй народов; например, говоря о религии татар в древности, он замечает, что они «солнце, месяц, огонь в великом почтении имели» (I, 9).

Черты русской этнографической мысли, отмеченные М. О. Косвеню для XVIII в.¹²⁰, а именно: ее практическая направленность, реализм описаний, свобода от религиозной нетерпимости, понимание роли языка в этногенезе народов, в равной степени присущи и автору «Скифской истории». Элементы этнографических сведений, имеющиеся в книге, позволяют считать Лызлова ближайшим предшественником Татищева, создателя исторической этнографии в России.

А. И. Лызлов о борьбе народов с татаро-монгольскими завоевателями

Большое место в «Скифской истории» Лызлов отводит борьбе славян, венгров и других народов против татаро-монголов; при этом Лызлов подчеркивает ведущую роль русского народа, сумевшего сохранить свою государственность даже в тяжелых условиях иноземного ига. Лызлов, конечно, не мог в то время решить такой вопрос, как происхождение татаро-монголов и причины их экспансии. Но он задумывался над ним, изучал различные мнения историков.

Автор приводит легенды о происхождении монголов, ставит вопрос о различии монголов и татар¹²¹. В I-й главе он пытается выяснить, «коих времен и яковаго ради случая татарове от отеческих своих мест подъемшися в Европу приидоша?» (I, 16). Автор очень кратко рассказывает об объединении монголов при Чингисхане, его борьбе с Ункамом¹²² и начале завоеваний, от которых «трепета вся Европа» (I, 17).

¹²⁰ М. О. Косвен, *Материалы к истории ранней русской этнографии (XII—XVII вв.)*, — «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», М., 1956.

¹²¹ Вопрос о происхождении татаро-монголов сложный и до конца не решен современной наукой. Исследователь этого вопроса М. Г. Сафаргалиев считает, что татарами (племенное название) назывались покоренные монголами тюркские народы (М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, стр. 30). В китайских источниках монголы и татары называются «да-да». В действительности татары одно из монгольских племен.

¹²² Так Лызлов называет керентского Ван-хана (Онг-хана монгольских летописей).

Лызлов сообщает некоторые сведения о народах, обитавших на Волге и в Причерноморье до прихода татаро-монголов. Он именует болгар волгарами (от названия р. Волги), часть которых ушла с князем Дербалом в Дакию и поселилась на Балканах.

Лызлов отмечает враждебное отношение половцев к русским, указывает на постоянные войны с ними и сетует по поводу их коварных действий в момент битвы на р. Калке.

Однако он стремится быть объективным: называет половцев народом «военным и мужественным», «язык же с российским и с польским, и с волжским смешан имели» (I, 30). Несмотря на то что они «жили под наметами, на возах вся своя имения перевозяще, яко ныне татарове, наместницы их», т. е. были кочевниками, Лызлов вслед за М. Стрыйковским подчеркивает общение половцев с причерноморскими греками и итальянцами и отмечает их участие в освоении городов и селений в Крыму и Приазовье.

Историю татаро-монгольского государства Лызлов прослеживает от его зарождения до расцвета и распада на отдельные орды.

Прежде всего автор определяет географическое положение Золотой (Заволжской) Орды — от Булгар до Ногайской Орды. По мнению Лызлова, Золотая Орда была прозвана так «московскими народами» за грабеж чужих сокровищ и сбор дани от многих стран. Роскошные палаты в г. Сарай на Волге, развалины которого автор видел еще в XVII в., «соделаны быти художники и работники, вземлемыми от российских стран» (I, 45).

От взгляда Лызлова не ускользнули симптомы распада Золотой Орды в XIV в.: «Она начат умалитися и к падению наклонитися». Он сообщает о смутах, начавшихся там в середине XIV в., когда в борьбе за власть Джанибек (1342—1357), Бердибек (1357—1359) и другие ханы убивали родных братьев. Лызлов рассказывает о правлении ханов в Орде или ее улусах после Бердибека. Говоря о битве у Синих Вод (1363), он указывает на то, что татары, кочевавшие в низовьях Буга, были «на трое разделенными» и возглавляли их три «салтана»: Кутлубек (или Кутлубуг), Качибирей (или Хаджибирей) и Диментр (Дмитрий).

Внутренние сумятицы в Золотой Орде, по мнению Лызлова, были правильно учтены московским князем Дмитрием Ивановичем, который «слыша о таковых несогласиях царей ординских и убийствах их между собою», не послал к темнику Мамаю «даров обыкновенных».

Одновременно автор отмечает образование Крымского ханства и других орд.

А. И. Лызлов освещает внутреннюю историю Орды, ее взаимоотношения с Русью, Польшей, Литвой, Валахией, Крымом и т. д.

Приводя сведения о вмешательстве литовских князей в династические распри в Золотой Орде, Лызлов сообщает, что сын Тохтамыша Зелени Салтан (Залед, Зеледин) оказал полякам и литовцам помощь против немецких «крыжаков» (католиков, крестоносцев) в момент Грюнвальдской битвы 1410 г., но сам погиб. Однако это не подтверждается другими источниками¹²³.

Особое внимание автор уделяет русско-татарским отношениям. В первых двух частях «Скифской истории» освещается начало завоеваний татаро-монголов, походы Батыея, описывается борьба русских городов в XIII в. и переход к планомерному наступлению против татаро-монголов в XIV — начале XV в. и, наконец, распадение Орды и окончательное сокрушение татаро-монгольского ига.

Кровавый путь полчищ Батыея в Восточной Европе Лызлов рисует хотя и эмоционально, но схематично. Он останавливается на битвах за Москву, Коломну и Владимир, перечисляет города, разоренные татарами, указывает, что в феврале 1238 г. было сожжено 14 городов в одной Владимирской земле. Подробно описана битва на р. Сити в 1238 г., решившая судьбу северо-восточной Руси.

Тонко подмечает автор разные цели противостоящих друг другу армий: Батыева рать стремилась к славе и богатству, русские воины — «хотяще оборонити любимое отечество». По его мнению, татары победили вследствие огромного численного превосходства — 100 : 1.

Борьба за Киев излагается автором по «Синопису».

Не ограничиваясь рассказом о первых двух походах Батыея по русской земле, Лызлов прослеживает ход борьбы западных славян и венгров с нашествием татар.

Он останавливает внимание на битве в 1241 г. у Лигнице, причем описание хода сражения он заимствовал у Гваньини. Лызлов подчеркивает факт объединенных действий пруссов, поляков, силезцев и великополян под командованием Генриха Благочестивого.

Лызлов с сокрушением сообщает о разорении монголами Венгрии в результате поражения войск короля Белы IV.

¹²³ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. II, 1941, стр. 139 и сл.

Основываясь на «Степенной книге» и «Синописе», Лызлов сообщает о переписи населения, проведенной численниками, и останавливает внимание на многочисленных восстаниях русских городов против баскаков в 1262 г. В соответствии со своими социальными взглядами Лызлов считал, что в восстаниях проявлял инициативу не народ, а князья, договорившиеся истребить баскаков, за исключением принявших христианство.

Лызлов кратко сообщает по «Синописису» о Куликовской битве, упоминает об измене Олега рязанского, но умалчивает об отношении Ягайло Литовского к Москве, игнорируя противоречия в Восточной Европе. Странно, что эта битва, о которой остались сведения не только в летописях, но и в поэтической и житийной литературе, описана Лызловым так скупо. Однако автор отметил ее большое международное значение, ссылаясь на отзыв Сигизмунда Герберштейна и «хроникаря польского Матвея Стрыйковского», по словам которых трупы татар лежали на много верст в округе. При этом Лызлов сообщает интересную подробность из литовских хроник: после отхода уцелевшей части орды Мамай на юг и его битвы с Тохтамышем (по-видимому, у р. Кальченки) он с четырьмя мурзами тайно бежал в Кафу (Керчь), где был узнан и убит генуэзцами (в действительности Мамай был выдан жителями Кафы его противнику Тохтамышу).

Говоря о трагических событиях 1382 г., когда Тохтамыш переправился с огромной ратью на ладьях через Волгу и с помощью Олега рязанского подошел к Москве и сжег ее, Лызлов упоминает об уходе Дмитрия в Кострому. Автор справедливо выделяет роль Владимира Андреевича Серпуховского в сражении за Москву, отряд которого бесстрашно уничтожал татар под Волоколамском (I, 56).

В рассказе о завоеваниях Темир Аксака Лызлов в обращении к читателю ссылается на «довольную повесть» многих летописцев, но преимущественно использует труды польских хронистов XVI в. Одной фразой Лызлов сообщает о вторжении Тимура на Русь. Дойдя до рязанских пределов, Тимур повернул обратно, овладел Персией, Дамаском, Вавилоном, Сирией, Мидией, завоевал Армению и всю Малую Азию.

Интересен материал, приведенный Лызловым, о завоевательных приемах Тимура: подходя к городу, Тимур ставил белый шатер («намет»), это означало предложение сдаться с сохранением жизни и имущества; на второй день раскидывался багряный шатер, означавший угрозу взять город силой; на третий день появлялся черный шатер, что означало решение полностью истребить жителей.

Лызлов излагает борьбу Руси с набегами Сеид-Ахмета (в 1451, 1455, 1459 гг.) и указывает, что в сражении у берегов Оки русской ратью руководил сын великого князя—Иван.

О набеge Сеид-Ахмета на Подолию Лызлов рассказывает по «Степенной книге». Сеид-Ахмет был разбит крымским ханом Хаджи-Гиреем в момент его прихода к р. Дону; когда в 1468 г. один из ханов осуществил большую диверсию против Литвы, Подолии и Валахии, татары были трижды разбиты, сын хана захвачен воеводой Стефаном в плен, послы посажены на кол. Лишь один посол был отпущен для того, чтобы рассказать хану о случившемся.

Ярко описывает Лызлов хорошо известный по русским источникам следующий факт: когда хан Ахмат прислал по обычаю послов просить дань, великий князь Иван Васильевич «Московский и всея Руси» велел перебить послов, плюнул на басму (печать с изображением хана) и растоптал ее ногами.

Лызлов приводит несколько версий, имеющихсх в источниках, об обстоятельствах «стояния на реке Угре», но он доверяет больше не «Хронике...» М. Стрыйковского и не «Степенной книге», а Засекину летописцу, согласно которому несостоявшийся союз хана с Литвой ускорил отход Ахмата в степь.

Автор считает, что татаро-монгольское иго продолжалось 269 лет — с 1237 по 1506 г. (обычно принято считать 240 лет — с 1240 по 1480 г.).

Вскрывая сущность татаро-монгольского ига, Лызлов отмечает: «В тех странах баскаки или атаманы гзд россианы власть имели, иже дань с них собирали и по своей воле россиан, яко подданных, судили» (I, 52), и полагает, что «начат наипаче малитися большая орда от непрестанных своих междоусобных браней и нестроения, паче же от пленения воинства российскаго» (I, 78).

Это заключение основывалось на собранных историком фактах героической, самоотверженной борьбы Руси за свою независимость.

Лызлов сообщает не всегда верные сведения о датах правления ханов. Преемник Батыя Сартак умер не в 1262 г., а в 1257 г. Ногай называется ханом Золотой Орды, хотя он был старшим темником при ханах Туда-Менгу (1282—1287) и Тохте (Токтае, 1291—1312); о Туля-Буге (1287—1291) автор не упоминает совсем. В какой-то степени это объясняется тем, что Лызлов недостаточно использовал русские летописи, в которых подробнее и точнее изложены события XIII и XIV вв., чем в польских хрониках. Сопоставив факты, взятые из лето-

писи (о борьбе Юрия Даниловича с Михаилом тверским), Лызлов устанавливает конец правления Ногая в 1307 г.

Основываясь на работе А. Гваньини, он называет Батыя не внуком, а сыном Чингисхана. Целью походов Батыя автор считает распространение «проклятого Махометова учения», хотя известно, что Батый в момент завоеваний оставался шаманистом, а распространение ислама среди монголов началось при его преемнике Берке (1257—1266)¹²⁴.

Упомянув о походе Кавгадыя и Юрия Даниловича против Михаила тверского в 1317 г. (а не в 1315 г.), Лызлов опускает известия русских летописей об антитатарских выступлениях в северорусских городах в начале XIV в. (в Костроме, Нижнем Новгороде, Брянске, Ростове, Твери), совсем не упоминает о правлении Ивана Калиты и кратко сообщает о поездке в Орду Симеона Гордого и митрополита Феогноста (не в 1342 г., а в 1343 г.), заботившегося об освобождении церкви от дани. Как известно, духовенство добилось льгот в 1357 г. по ярлыку хана Бердибека.

Автор утверждает, что Улу-Мухаммед сначала был изгнан Эдигеем, в действительности Худайдатом в 1424 г.¹²⁵.

Излагая историю взаимоотношений Золотой Орды со славянскими странами, автор, чтобы подчеркнуть единство действий славянских государств против Орды, замалчивает внутренние распри в славянском мире, захват Литвой и Польшей западно- и южнорусских земель (Украины и Белоруссии).

Лызлов повествует лишь о вторжении татар в Литву и последующем их поражении: он восклицает, что отныне поля от Путивля до Киева, к устью Дона и до Очакова на Днепре «от татар свободишася!» (I, 53). Лызлов умалчивает о временном союзе Ахмата в 1472 г. с литовским князем Казимиром. Он перечисляет неудачные попытки Золотой Орды воспользоваться территориальными спорами Москвы с Литвой в XV в., указывает на возникновение недолговечных союзов Мамая с Ягайлой, Ахмата с Казимиром IV и др. Автор подчеркивает, что литовские князья хотя и вступали в союзы с татарами, но в решительный момент покидали их, что шло на пользу их славянскому соседу — Москве.

Свою основную тему — борьбу русского народа и его соседей с татаро-монгольскими завоевателями — Лызлов решает на широком историческом фоне. Особенно он внимателен к соседним с Русью странам — Венгрии, Моравии, Польше, Литве, Валахии.

¹²⁴ Б. Д. Греков и А. Я. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950, стр. 74.

¹²⁵ Лызлов ошибочно считает датой смерти Эдигея 1431 г. (I, 63).

Историографическое значение истории золотоордынского владычества в трактовке Лызлова состоит в следующем:

1) на конкретных фактах он показал пагубность татаро-монгольского ига не только для русского, но и для других народов;

2) сделал попытку выяснить причины начала и конца владычества татаро-монголов;

3) эмоционально и глубоко патриотично рассказал о многовековой борьбе русского и других народов с татаро-монгольскими захватчиками.

* * *

Следующий раздел «Скифской истории» посвящен истории Казанского ханства и борьбе Русского государства за присоединение Казани и Астрахани.

Автор ставит своей целью показать ущерб, причиненный Руси татарами, а также «подвиги и труды» русских воинов в борьбе за присоединение Казани. Он сознавал большие трудности освещения темы как из-за отдаленности описываемых событий, так и из-за скудости источников.

Для написания этой части книги Лызлов в большей степени пользовался источниками отечественного происхождения.

Пестрое по этническому составу Казанское ханство Лызлов ставит выше других татарских юрд по уровню развития. Он пишет: «Царство Казанское славно и великоможно от давних времен бяше и знаемо не точию российским народом, но и иностранным многим» и приводит высказывания о ханстве Ботера и Гваньини. Автор рисует географическое положение Татарии, приводит легенды об основании городов (I, 83).

В самой постановке вопроса о начале Казанского ханства Лызлов совершенно отходит от традиции, по которой временем основания ханства считается правление Улу-Мухаммеда (вторая треть XV в.). Он ведет его начало с 1257 г., когда на южных границах древнего Булгарского царства Сартаком было основано Казанское ханство, подчинившее «болгарские грады со всеми людьми в них и в уездех живущими» (I, 83). (В советской историографии начало Казанского ханства некоторые историки связывают с походом Булат-Темира в 1361 г.)

Это утверждение расходится как с последующими утверждениями Лызлова о пребывании булгар на Волге в конце XIV в., так и с позднейшей историографией. Длитель-

ное существование болгарской традиции подтверждает такой источник, как «Изложение болгарских повествований» Хисамуддина, сына Шереф-эддина (1551)¹²⁶.

Политическую историю этого «Саинова юрта» более подробно Лызлов рассматривает лишь с конца XIV в., объясняя это отсутствием источников. При этом главным аспектом изложения оставалось взаимоотношение Казани с Москвою. Правление Улу-Мухаммеда, которого большинство историков считает родоначальником Казанского ханства, Лызлов склонен расценивать как «обновление» ханства, а не начало его.

Сведения об Улу-Мухаммеде до его прихода в Казань автор почерпнул из Засекина летописца. Они заключались в следующем: Улу-Мухаммед, изгнанный из Орды, бежал в Крым, а затем перекочевал в русские пределы, получив разрешение великого князя Василия жить в районе Белева. Большая часть русских летописей отрицает миролюбивые намерения Улу-Мухаммеда¹²⁷. Затем якобы русский князь Василий Васильевич побоялся иметь такое опасное соседство и послал против татар 14-тысячное (или 40-тысячное) войско под командованием Дмитрия Шемяки, Дмитрия Красного, тверских и рязанских князей, которое 5 декабря 1437 г. было разбито. Хан с тремя тысячами татар окопался в Ледяном городке и будто бы умолял, чтобы его оставили в покое, но, не получив положительного ответа, сделал вылазку и в жестокой битве одолел русскую рать: в живых остались братья князя и пять воевод с немногими людьми. Очевидно, это поражение в какой-то степени объяснялось враждебной позицией воевод по отношению к Москве. О бесчинствах войска говорится и в русских летописях: «все пограбиша у своего же православного христианства и мучаху людей...» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 260). После этого Улу-Мухаммед откочевал в Поволжье и обосновался в Казани, совершая оттуда грабительские набеги на русские земли.

О дальнейшей судьбе Улу-Мухаммеда и его сыновей Лызлов судит по летописям и приходит к мысли, что Касимовский удел, бывший во владении сына Улу-Мухаммеда Касима, уехавшего после смерти отца в Москву, стал подвластным

¹²⁶ М. Худяков, *Мусульманская культура в Среднем Поволжье*, Казань, 1922, стр. 16.

¹²⁷ В ходе династической борьбы Улу-Мухаммед неоднократно изгонялся из Орды. В последний раз в 1437 г. это осуществил хан Гыяс-эд-Дин, а не Эдигей (сторонник династии Темир-Кутлу), умерщвленный по приказу Улу-Мухаммеда. Лызлов эти события излагает неточно. (М. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Казань, 1923, стр. 16—17).

России. В действительности Касимов оставался автономным и одно время получал дань с некоторых русских князей¹²⁸.

В «Скифской истории» сообщается, что по воле Ивана III неугодный казанцам Мухаммед-Эмин, который «начат и прочим жителем казанским обиды и насилия чинити и женам их бесчестие», был сменен, и на престол вступил его брат Абул-Латых (Абдул-Латыф), который через пять лет был свергнут с престола за «неверность» Москве и сослан на Белоозеро. Он умер не в 1502 г., как пишет Лызлов, а в 1517 г. Эти факты не нашли отражения в современной литературе¹²⁹.

В этой части своего труда (ч. I, кн. III, гл. 3) Лызлов вынужден касаться взаимоотношений Казани с Крымом и Турцией. Перипетии династической борьбы в Казанском ханстве он склонен ставить в зависимость от взаимоотношений его с Россией. Лызлов насчитывает четыре группировки феодалов, враждующие за престол в Казани: турецкую, московскую, крымскую и ногайскую.

Причину падения хана Шигалея (Шах-Али, Шах-Гали) автор видит в его промосковской политике. К 1521 г. Лызлов относит выступление казанцев против живших в ханстве русских и татар, пришедших в Казань с московским ставленником Шигалеем. Лызлов вслед за «Казанским летописцем» описывает, как Шигалей и царский воевода были отправлены на Русь с двумя слугами, у Волги они повстречали рыболовов, которые проводили их к русским границам. На смену ему часть казанской знати тайно призвала из Крыма Саиб-Гирея (Лызлов ошибочно называет его Сафа-Гиреем), который прибыл в Казань в 1524 г.

Призыв на престол брата Шигалея Эналея (Джан-Али) автор относит к концу правления Василия III (1532—1533 гг., в действительности в 1535 г.). С Эналеем в Казань прибыл русский воевода князь В. Пенков, но вскоре они оба были убиты представителем крымской партии, и на престоле оказался бежавший ранее Сафа-Гирей.

От пристального взгляда историка не ускользнули умножившиеся «несогласия и развраты» внутри Казанского ханства.

Сравнение текста «Казанской истории» и «Скифской истории» показывает, как говорилось выше, незначительную раз-

¹²⁸ Ср. В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, ч. I, СПб., 1863, стр. 155.

¹²⁹ См., например, «Историю Татарской АССР», т. I, Казань, 1955, стр. 190 и сл. Наиболее подробно политическая история Казанского ханства изложена в книге М. Худякова, *Очерки по истории Казанского ханства*.

ницу в разделах, изображающих попытку бегства Кошака с царицей Суюнбеки (Сюмбека) в Крым и третье воцарение Шигалея.

Но, несмотря на наличие в «Скифской истории» сведений по политической истории Казанского ханства, они не имели самодовлеющего значения для Лызлова, главное внимание он уделял проблеме взаимоотношений Руси с Казанью.

Первое столкновение казанских татар с Русью Лызлов вслед за «Степенной книгой» относит к 1396 г., когда соперник московского князя Василия суздальско-нижегородский князь Симеон спровоцировал подход к Мурому казанской рати (во главе с Эктяком). В ответ на это великий князь Василий Дмитриевич послал рать на Казань и Булгары под командованием своего брата Юрия, которая захватила ряд городов и разгромила ханство, — уже с этого времени Лызлов склонен видеть ослабление его: «смирися Казань и в скудость прииде». Таким образом, вопреки установившимся суждениям о разгроме Булгарского царства в результате похода Булат-Тимура в 1361 г., Лызлов приписывает решающую роль походу Юрия Дмитриевича.

Второе наступление московских князей против Казани Лызлов относит к 1421 г., хотя значительно важнее был поход под командованием Федора Пестрого в 1432 г.

А. И. Лызлов придерживается спорной версии об измене воеводы Ивана Руно во время третьего похода 1469 г. под Казань, изложенной в Архангелогородском (Устюжском) и некоторых других летописных сводах. По мнению С. М. Соловьева, а также советского историка К. В. Базилевича обвинения Руно в измене не имеют под собой достаточных оснований¹³⁰.

Лызлов подробно описывает битву 1487 г. русских под командованием трех князей (Д. Холмянского, А. Оболенского и С. Ряполовского) с татарами, возглавляемыми Алеханом (Али-ханом); в результате этого сражения русские на время овладели Казанью, ханская семья была выслана в Вологду и на Белоозеро. Царевич Кудайлук (Худайкул) крестился, получил имя Петр и женился на Евдокии, сестре московского великого князя. Историк подчеркивает, что таким образом казанская династия породнилась с московской.

Лызлов с удовлетворением отмечает, что Иван III после «стояния на Угре» в 1480 г. стал распоряжаться казанским

¹³⁰ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. 1, стр. 1415; К. В. Базилевич, *Внешняя политика Русского централизованного государства*, М., 1952, стр. 69.

престолом. Подводя итог восточной политике Ивана III, Лызлов заключает, что Казань 17 лет фактически находилась под контролем России. Год смерти Ивана III Новиковым переведен неточно: не 1506, а 1505 (I, 96).

Далее Лызлов рисует враждебные происки части казанских феодалов по отношению к Москве: 24 июня 1506 г., когда в Казани происходила многолюдная ярмарка, на которую съехалось множество богатых купцов с товарами, хан Мухаммед-Эмин устроил «варфоломеевскую ночь» и приказал перебить всех русских людей, проживавших в казанских пределах. Но это не осталось без ответа: к Мурому было выслано большое войско русских, которое подошло к Казани также во время ярмарки. Лызлов отмечает, что в тот момент легко было бы взять город, но вместо этого русское войско, и особенно воеводы, «побравши многое богатство и довольство, преисполненное брашен и питий, ослабеша в подвизех, и начаша ясти, и пити, и спати довольно, мяще поганых в конец побежденных» (I, 97). На протяжении всей книги автор не раз подчеркивает опасность подобного преждевременного упоения победой: воспользовавшись таким состоянием противника, хан на третий день сделал вылазку и разбил русских.

Приостановку действий России против Казани Лызлов объясняет 20-летней борьбой с Польшей. В 1524 г., когда при посредничестве императора Максимилиана Россия заключила перемирие с Польшей, Василий послал 150-тысячное войско под Казань, которое разбило на Свияге крупные силы казанцев. Но действия сухопутных сил не были поддержаны речным флотом, разгромленным татарами, и это помешало, по мнению автора, взять город. Лызлов проявляет объективность, отмечая мужественную смерть татарского богатыря-аталыка в сражении 16 июля 1530 г.

В период несовершеннолетия Ивана IV опустошительные набеги казанцев на пограничную русскую территорию привели ее «в конечное запустение», и это было, по мнению автора, причиной дальнейшей борьбы России за Казань.

Лызлов рассказывает о реформе русской армии при Грозном, о создании полков «пеших воинов со огненной стрельбою, не бывших прежде в России, их же именоваша стрельцы», о награждении воинов жалованьем «по достоинству» и т. д.

В «Скифской истории» подробно описываются события, предшествовавшие окончательному присоединению Казани, Москва «непрестанно посылаше многия воинства воевати Казань и областей ея» (I, 110) (поход князей С. Микулинского и В. Серебряного и др.).

Этапы борьбы за Казань в 1551—1552 гг. изложены Лызловым по тексту «Казанской истории», хотя ссылки на нее не даны.

Перед тем как описать знаменитый поход Ивана Грозного под Казань, Лызлов, отдавая дань традиции, вслед за «Казанской историей» рассказал о мучениках и о «знамениях», предшествовавших этому важному событию.

То, что в этих рассказах внимание Лызлова привлекают «мучения» воина Иоанна и купца Петра, а не только духовных лиц, лишний раз подчеркивает светское направление работы Лызлова.

Интересно замечание автора о месте похорон Петра: он «положен бысть на месте, *иде же ныне стоит храм Воскресения Христова; на житном торгу*» (курсив наш. — Е. Ч.). Эта фраза, как нам кажется, свидетельствует о том, что автор сам бывал в Казани и хорошо знал ее месторасположение.

Как в «Казанской истории», так и в книге Лызлова имеются сведения о созыве в Золотой палате боярской думы, «всех местных князей и всех благородных вельмож», а также митрополита Макария, архиереев «со всем освященным собором». По-видимому, это было совещание соборной формы¹³¹. Вся глава о присоединении Казани проникнута безмерной апологией Ивана Грозного. Лызлов подчеркивает «миролюбие» Ивана Грозного, пославшего татарам перед наступлением на Казань «милостивые грамоты». Он идеализирует царя-воина, который, выйдя из Казани, ночует прямо на песке.

Лызлов подробно останавливается на расположении войск около основной базы русских — Свияжска. Это звучало актуально в том отношении, что одной из причин неудачи современных автору Крымских походов В. В. Голицына была оторванность базы от войска и отсутствие укрепленных пунктов по пути следования его. Лызлов пишет, что русские имели в Свияжске прочную базу: «прииде воинство, яко во свои думы, от того долгого и нуждного пути»; водным путем сюда были отправлены провиант и артиллерия, а вслед за этим к Свияжску потянулись бесчисленные купеческие караваны.

Рассказ о переправе и походе войска к Казани с развернутым русским знаменем дословно совпадает с изложением «Казанской истории» (I, 136—137). Как человек служилый, Лызлов неоднократно обращает особое внимание на значение артиллерии и флота в борьбе за Казань.

¹³¹ М. Н. Тихомиров, *Сословно-представительные учреждения (земские соборы в России XVI века)*, — «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 9; С. О. Шмидт, *Соборы середины XVI в.*, — «История СССР», 1960, № 4, стр. 88.

Послание митрополита Макария, переданное царю через И. С. Фомина-Плещеева, Лызлов не приводит полностью (как в ПСРЛ, т. XIX), а лишь коротко пересказывает, не преминув указать на то, что митрополит просит у царя прощения за то, что дерзнул уговаривать его возвратиться в Москву. Это единственная мысль, взятая Лызловым из пяти столбцов текста послания Макария. Излагая обращение Ивана Грозного к войнам, автор подчеркивает мысль об ответственности царя перед подданными, столь созвучную политическим идеям XVI в.: «Уже бо, рече, не могу слышати всегдашняго плача людей божинх, врученных мне...» (I, 126).

Как уже указывалось в обзоре источников, использованных автором для написания «Скифской истории», Лызлов не следовал «Казанской истории», а сопоставлял ее текст с другими материалами. Так, фамилии воевод, участвовавших в казанском походе, взяты им, очевидно, из Воскресенской летописи (по Новонерусалимскому списку)¹³².

Как установила Г. Н. Моисеева, данные о воеводах под Казанью намеренно фальсифицированы в списке «Казанской истории». Лызлов же, следовавший в основном в рассказе о взятии Казани этому источнику, в данном случае привел о воеводах сведения, более соответствовавшие реальной расстановке сил в 1552 г. В частности, он упомянул имена А. М. Курбского, М. И. Воротынского и др., намеренно исключенные из «Казанской истории» (I, 182). Как указывалось выше, в рассказе о взятии Казани Лызлов использует также книгу А. М. Курбского. По книге Курбского «История о великом князе Московском» описана Лызловым Казань, ее стратегическое положение, укрепления (I, 138).

Подробно описанные в «Истории...» А. М. Курбского действия отрядов правого фланга («правой руки») воспроизведены и в книге Лызлова. Следуя этому источнику, автор сообщает о поддержке, оказанной русскому войску со стороны «черемисы горной», чувашей и мордвы, которые возводили мосты, устраивали гати на болотах и т. д. (I, 134).

В этой части своей работы Лызлов часто использует текст «Степенной книги». Однако он отошел от ее системы изложения истории строго по княжениям. О смене княжений он говорит мимоходом, лишь в связи с каким-нибудь событием. Например: «Великий же князь Василий Иоаннович, иже бысть преемник скиптра Российского царства по отце своем, восхоте отмстити измену ко отцу своему от казанскаго царя и Казань паки восприять...» (I, 96). Так же коротко, в одной фразе,

¹³² ПСРЛ, т. VI, 1853, стр. 305.

упоминает он и о воцарении Ивана Грозного (I, 106). В данной главе для него путеводной нитью являлись вехи борьбы за Казань. Хотя этот раздел «Скифской истории» основан главным образом на источниках отечественного происхождения, в написании его Лызлов был наименее самостоятелен, резко проявился компилятивный характер его работы. Путано изложена взаимосвязь Булгарского царства и Казанского ханства, слабо показано стремление Турции оказывать влияние на его политику. Имеется множество ошибок в датах и фактах.

Итак, на страницах «Скифской истории» отразился двухсотлетний период взаимоотношений Руси и Казанского ханства. В отличие от последующих историков автор не связывает возникновение ханства с именем Улу-Мухаммеда, а ведет его начало со времени прихода татар в Среднее Поволжье (1257 г.). Лызлов пристально изучает успешные действия русских войск против Казанского ханства в княжение Василия Дмитриевича и особое внимание уделяет восточной политике Ивана III. Автор дает представление о борьбе четырех групп феодалов в Казани. Он ставит в зависимость внутренние события в ханстве от его взаимоотношений с Россией. Решающей причиной активности России в отношении казанских татар автор считает их непрерывные опустошительные набеги на русскую территорию.

* * *

Основание для борьбы русских войск за Астрахань Лызлов видит в том, что она, как и далекая Тмутаракань, была «древним российским достоянием» (I, 199). Лишь после смерти князя Всеволода, во время «браней и нестроения во князех российских» (т. е. в период феодальной раздробленности), Батый смог ее захватить.

Лызлов рассказывает о взятии Астрахани 2 июля 1556 г. более кратко, чем Никоновская летопись. Он выделяет при этом роль Ю. И. Шемякина-Пронского (участника покорения Казани) и царского постельничего Игнатия Вешнякова, «мужа храброго и искусного». Как в рассказе о наступлении на Казань, так и теперь Лызлов особенно тщательно описывает операции, проводимые при помощи флота: например, действия против изменившего царю Эмургея (Ямгурчея), который был вынужден бежать в Тюмень, к Сибирскому хану. Следуя за Никоновской летописью, Лызлов пишет о взятии русскими большого числа пленных мужчин и женщин и, с другой стороны, об освобождении «российских пленников, от древних лет заведенных тамо». Далее коротко рассказывается об ут-

верждении на астраханском престоле московского ставленника Дербыша (Алея).

Борьбу Руси за Поволжье Лызлов снова связывает с необходимостью противодействовать крымско-турецкой агрессии. В связи с этим, нарушая хронологическую последовательность, он рассказывает о печально знаменитом походе войск турецкого султана Селима II под Астрахань (1569). Лызлов отмечает, что в русских источниках этот факт не нашел достаточного отражения, поэтому он обратился к трудам польских авторов (А. Гваньини, М. Стрыйковского и др.), использовал «Историю о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань».

Лызлов передает, что во время этого похода турки совместно с крымскими татарами подошли к Переволоке, где Дон приближается к Волге, и здесь хотели «брег перекопати и проток (канал) учиня» пройти стругами к Астрахани. Однако смелые действия русского отряда под командованием князя П. С. Серебряного (казненного Грозным в 1570 г.) сорвали замыслы врагов, и, по мнению автора, именно «от онаго времени отречеса султан Турецкий в пустыни те, Астраханския поля, воинства посылати».

Подводя итог восточной политике Ивана Грозного, Лызлов констатирует, что в этот период были не только покорены селения по Волге до Каспийского моря, но и татарские орды по Янку, Каме и само Сибирское ханство.

Но историю покорения Кучумовой Орды отрядами Ермака, овеянную легендами, песнями и сказаниями, Лызлов не осветил в своей книге. Он ограничивается кратким резюме по этому вопросу. Быть может, автор не нашел нужным включать этот материал потому, что политические задачи конца XVII в. диктовали ему более подробное освещение борьбы славян на юго-западе с Крымом и Турцией, а не в далекой Сибири. Каковы бы ни были замыслы автора, это большой пробел в «Скифской истории».

* * *

Поскольку одной из основных задач внешней политики России в конце XVII в. было продолжение борьбы с Крымским ханством, «Скифская история» выделяет этот вопрос в специальный раздел: «О Таврике Херсонской, иде же ныне Крымская Орда за Перекопом обретается». Как и предыдущие, он начинается с описания географического положения Крыма: «Един приклепок земли отовсюду морями окружен» и поделен горами и лесом на две части (II, 1). Автор указы-

ваит на большое стратегическое значение перешейка: «Перекоп, стоящий на среди валу земляного, учиненного от моря до моря, а при конце стены тоя, из града идущи, на левой стороне у самага моря стоит башня, учиненная ради хранения переходу того» (II, 3).

Лызлов не жалеет красок для описания благодатных природных условий Крыма, богатого рыбой, маслами, кожами. Побывавший сам в южных степях как участник Крымских походов, он пишет: «Тамо трава в высоту, яко тростие морское, и мягка зело» (II, 8). О греческих городах, находившихся в устьях рек, ему напоминают оставшиеся развалины: «...яко тамо бывал град некогда, еже познавается от стен оставшихся...» (II, 8).

Лызлов отмечает, что задолго до татар в Крыму жили генуэзцы, греки, евреи, армяне (II, 4).

Лызлов понимал паразитический характер экономики крымских татар: «Разбоем и граблением кормятся», — замечает он. Особое внимание он уделяет положению русских пленников, которые выполняют самые тяжелые работы, их перепродают в далекие восточные страны, а старых и больших отдают на поругание ребятам.

К сведениям о праве и нравах татар, взятым из труда И. Ботера, Лызлов делает комментарии, основанные на собственных наблюдениях: «царь живет... *ныне больши* в Бакшисарае и в полях под наметы» (II, 21—22), или «*ныне уже немало* сих грубых обычаев оставляючи, человечнейши обретаются...» (курсив наш. — Е. Ч.).

Татары пришли в Крым, по утверждению Лызлова, в середине XIII в., когда «все дикие поля от Волги до Днепра татарове обладаша». Однако при этом он замечает, что «сей тако, а ин инако писаша», имея в виду разноречивость источников по этому вопросу. По наблюдениям автора причерноморские татары в отличие от крымских жили оседло, русские научили их строить дома и заниматься земледелием.

Лызлов приводит много интересных сведений о быте крымцев, их вере и обычаях. Особое внимание автор уделил изучению военного строя татар («марсов танец»), так как это должно было иметь практическое значение для читателей «Скифской истории». Его интересуют и выносливость их лошадей, и способ переправы крымцев через водные преграды. Он отмечает силу наступления и слабость обороны у татар, предостерегает от хитростей и уловок врагов, которые иногда, притворившись мертвыми, пытаются «за собою неприятеля взять». По мнению автора, только внезапность нападения обеспечивала им успех: «безвестно лестию наезжати, нежели

явно воевати и битися, и больши чинят убытков, нежели опасения и страха» (II, 23).

Политическую историю Крыма Лызлов рассматривает со времени отделения ханства от Большой Орды, примерно со второй четверти XV в.

Нельзя упрекать автора, что он путано излагает начало политической истории Крымского ханства; в современной историографии этот период также освещен чрезвычайно скупо¹³³.

Генеалогию крымских ханов Лызлов ведет от эмира Эдигея¹³⁴. Автор трактует вопрос о воцарении Хаджи-Гирея в духе польско-литовской историографии XVI в. Он пишет, что Хаджи-Гирея «пригласили» занять крымский престол¹³⁵.

В «Скифской истории» справедливо подчеркивается связь внутренней политики крымских ханов с планами польских королей середины XV в.

Лызлов уделил пристальное внимание вопросу о вмешательстве турецкого султана в дела обособившегося Крымского ханства. Начало вассальных отношений Крыма к Турции Лызлов относит к 1475 г.¹³⁶

Удобным предлогом послужила борьба Хаджи-Гирея с генуэзцами, цепко державшимися за г. Кафу (Феодосия). Последовавший приход турецких войск под Кафу в 1475 г. Лызлов излагает по «Степенной книге». Падение древней Феодосии, повлекшее за собой захват турками Белграда, Очакова и Азова, стало возможным якобы из-за предательства¹³⁷. С этого времени автор отмечает зависимость хана от турок, которые захватили земли в Крыму, основали крепости в Причерноморье и под Азовом; что было связано с наступлением Турции против «Московския православныя монархии» (II, 31).

¹³³ М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, гл. VIII.

¹³⁴ В действительности ветвь крымских ханов следует искать среди потомков Тукай-Тимура и Таш-Тимура (1395). Сын последнего Девлет-Берди в 1426 г. был крымским ханом, уступив затем свой трон Улу-Мухаммеду. Лызлов путает даты правлений, опускает описание борьбы за ханский престол Сенд-Ахмеда и Хаджи-Гирея, сына Гиас-ад-Дина, бежавшего в 1434 г. в Литву (там же, стр. 241, 242).

¹³⁵ На вторичное утверждение Хаджи-Гирея в Крыму с помощью Казимира литовского указывается и в западнорусской летописи Быховца (ПСРЛ, т. XVII, 1907, стр. 543).

¹³⁶ В современной литературе переговоры ханского посла с турецким командованием датируются 1454 г. (М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, стр. 263).

¹³⁷ Дореволюционный исследователь этого вопроса В. Д. Смирнов не склонен связывать судьбу генуэзских колоний с нашествием турок (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.*, СПб., 1887, стр. 272, 273).

Он указывает на то, что крымские татары обязаны были стеречь турецкие обозы, участвовать в их военных предприятиях, т. е. турки татар «подручных себе сотвори», а «хан султану послушен» стал. Таким образом, читатель «Скифской истории» подводится к выводу о том, что неокрепшее Крымское ханство попало в орбиту турецкой политики.

Но, как и в предыдущих главах, Лызлов не упускает из виду историю взаимоотношений Крыма с Москвой, особенно во второй половине XV в. Стремясь подчеркнуть, что еще до Крымских походов 1687—1689 гг. русские доходили до Перекопа, Лызлов приводит рассказ «Степенной книги» об отправке в 1491 г. русских войск на помощь Менгли-Гирею в Крым. Он упоминает о случаях совместных действий Москвы и Крыма против Литвы (1499) и золотоордынских ханов (1501).

Лызлов отмечает поворот во взаимоотношениях Руси с Крымом, происшедший при Василии III. Сигизмунд I польский подстрекает хана Мухаммед-Гирея к борьбе с Москвой и, пытаясь отомстить за взятие Смоленска, провоцирует его поход (1515) под Тулу. Русское войско под командованием воевод князей В. В. Одоевского и И. М. Воротынского нанесло сокрушительное поражение крымцам, так же как под Путивлем это сделал князь В. И. Шемятич-Северский. Но уже в 1519—1520 гг. ситуация изменилась и хану Мухаммед-Гирею пришлось вместе с Василием III выступить против Сигизмунда I.

К 20-м годам XVI в. Лызлов относит вмешательство Крыма во внутренние дела Казанского ханства: Мухаммед-Гирей даже сумел с помощью ногаев и своих ставленников возвести на казанский престол своего брата Саиб-Гирея (у Лызлова — Сафа-Гирея).

Таким образом, борьба Руси за Казань была осложнена вмешательством Крымского ханства. Эту мысль Лызлов подкрепляет рассказом о трехкратных попытках крымцев подойти к Москве.

Большую роль в борьбе с Крымом играла позиция ногаев, которые «поддашася на государево имя». Очевидно, Лызлов имел в виду принесение шертной грамоты князем Исмаилом, когда царь пожаловал «ногайских мурз и атаманов с казаками»¹³⁸.

Лызлов подробно останавливается на совместной борьбе русских войск и запорожских казаков против татар Крыма. Лызлов поясняет, что «князь Димитрий Вишневецкий, живущи на Запорожье, всюду многих татар побеждаше, и страны

¹³⁸ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в XVII в.*, М.—Л., 1948, стр. 14.

польския от нашествия их охраняше, яко о том довольно в польских историях» (II, 55)¹³⁹. Казаки отразили натиск крымцев на о. Хортицу, а преданные Руси жители Пятигорска захватили Темрюк и Тамань.

Лызлов подчеркивает, что наряду с Д. Вишневецким и казаками против татар на юге успешно действовали отряды под командованием В. Бутурлина (у Пронска) и окольного Д. Адашева, захватившего даже корабль у Очакова. Русские приблизились к Перекопу (на 15 верст). Обратной речной флотилией Адашева двигались вверх по Днепру.

Столкновение России с Крымом в 1572 г. изложено Лызловым по «Повести о бою воевод московских с крымским ханом в 1572 г.».

Представляет интерес описание Лызловым военных столкновений Крыма с Россией в 50-х годах XVI в., действий речных десантов, не нашедших достаточно подробного отражения даже в советской историографии (сражения 1555, 1556 и 1559 гг.). Автор не мог, конечно, поставить в зависимость крымские набеги 60-х годов с ходом Ливонской войны. Историографический интерес представляет также освещение Лызловым взаимоотношений России с Крымом в 80—90-х годах XVI в.

Автор перечисляет наиболее крупные сражения с крымскими татарами в последней четверти XVI в.: набег на г. Крапивну в 1587 г. и набег в 1591 г. хана Гази (Казы-Гирея, 1588—1607) под Москву, о котором отсутствуют сведения в турецко-татарских источниках¹⁴⁰.

Автор упоминает о новой системе военной службы в России: наборах «даточных» людей, создании дворянских полков, присылаемых по выбору из городов, а также призывах стрельцов и т. д. Эти сведения взяты, очевидно, из Дворцовых разрядов. Кроме того, царь «повеле на лутех и на переходех рек, иде же хождяху погани, поставити грады, и утвердити их многим оружием и жителями воинского чина». Помимо ранее построенных Ливен, Курска, Кром (упущен Воронеж), в 90-е годы были основаны крепости Белгород, Оскол, Валуйки.

Лызлов указывает, что с конца XVI в. благодаря принятым мерам (сооружению укреплений и новому порядку службы) набеги крымских татар уменьшились и дальше тульских пре-

¹³⁹ Об этом есть сведения и в русских источниках, например, в ПСРЛ, т. XIII, первая половина, 1904.

¹⁴⁰ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.*, стр. 445.

делов не доходили. Любопытно заключение, которым автор завершает повествование: «даже до нынешних времен ин люботрудник да потшится написать (о крымских татарах) и в память будущим родом подати!» (II, 79).

Следует отметить, что как только Лызлов отходил от изложения событий по летописи и сочинению Курбского и начал придерживаться «Хроники...» Стрыйковского, он впадал в ошибки. Так, он неверно датирует вступление Девлет-Гирея на ханство в 1572 г. (II, 61)¹⁴¹, тогда как он правил с 1551 по 1577 г., путает имя митрополита (называет Макария вместо Варлаама). Ошибочно утверждение автора, что причиной войны России с Крымом в 1571—1572 гг. была казнь Иваном IV крымских послов (II, 62) и т. д.

Разделы о Крымском ханстве в «Скифской истории» имеют и политическое и историографическое значение, так как в конце XVII в. оно было наиболее реальным противником России. Кроме отрывочных летописных сведений, на русском языке до Лызлова не существовало обстоятельного рассказа о Крымском ханстве.

Автор предрек скорый конец последнего осколка Золотой Орды — Крымского (или Перекопского) ханства, которое «хоть и мало, но может много наказати».

В этой части книги сильнее, чем в других разделах «Скифской истории», проявляются публицистические мотивы: «яко нанскорее бы могли до конца оных нечестивых варваров победити и безвестны сотворити». Автор твердо уверен, что это задача ближайшего будущего.

А. И. Лызлов о борьбе европейских народов с турецкими захватчиками

Центральной темой книги Лызлова явилась борьба европейских народов с турецкими захватчиками, которая получила наибольшее освещение в главах, касающихся Турции. В «Скифской истории» ей отводится значительное место — 121 л. из 268 л. рукописи, не считая перевода книги Старовольского «Двор султана турецкого» (64 л.). В этих главах Лызлов освещает следующие вопросы: о мусульманской вере (гл. 4), о расселении турок (гл. 5), о правлении 14 турецких султанов, их завоеваниях и о борьбе против них европейских народов (гл. 6), о государственном устройстве Турции (гл. 7).

В своем изложении тематики этого раздела мы не будем придерживаться указанной структуры.

¹⁴¹ Там же.

Лызлов дает общие сведения о территориальных владениях Порты. Он очерчивает европейские, азиатские и африканские границы современной ему Турции, упоминает острова, подвластные султанам. Лызлов перечисляет четыре важнейших города Турции: Константинополь (он ни разу не назвал его Стамбулом или Царьградом), насчитывавший 7 млн. жителей («что может учинить два Парижа, иже во Франции»); Табриз — в 20 тыс. жителей, город бесчисленных богатств, по словам автора; Алеппо — центр мировой торговли на Средиземном море; Каир, откуда товары, прибывшие из Индии, с Черного моря, из Африки¹⁴², развозятся караванами в другие страны.

Такие территориальные приобретения стали возможны, как неоднократно пишет Лызлов, не только «от несогласий государей христианских, которые причины умели они (т. е. турки. — Е. Ч.) ко прибытку своему употреблять» (III, 58), но и благодаря своеобразному военному строю, описанию которого автор уделяет большое внимание, ссылаясь при этом на книгу Я. Ботера. Основные положения военного строя Порты, дававшие ей преимущества перед другими народами, он суммирует следующим образом: 1) быть всегда готовыми к войне; 2) предупредить действия противника; 3) только наступать; 4) не вести одновременно разные войны; 5) не вести продолжительных войн; 6) не тратить средства и время на ненужные войны; 7) занимать города и места последовательно; 8) султаны сами должны возглавлять армию (III, 58).

Залог военных успехов турок Лызлов видит также в воздержании, беспрекословном подчинении своим командирам, которые отдавали распоряжения с помощью жестов, движений руки или лица, строго наказывали за мародерство. В турецкой армии нет страха перед смертью, каждый считает ее карой свыше, которой избежать невозможно. Частые войны тренируют войско. По мнению автора, три качества создают превосходство турецкой армии: многочисленность, грозная дисциплина («страх») и хорошее вооружение.

Рисуя по Ботеру и Гваньини формирование людских сил турецкой армии, Лызлов попутно раскрывает черты военной системы феодальной Порты. Он объясняет сущность тимаров: «села и деревни не вельми великие, данные туркам от султанов во обладание до смерти коегождо воина», т. е. они представляли собой земельную собственность наподобие русских поместий.

Во время турецко-персидской войны (в конце XVI в.)

¹⁴² Лызлову известна Эфиопия.

было роздано 40 тыс. тимаров. Служилые люди, получавшие лены за службу, составляли основную часть армий.

Другую часть турецкого войска составляли, по наблюдениям Лызлова, янычары. Он приводит преуменьшенные цифры о их численности (12—14 тыс. человек).

Лызлов отмечает, что в течение XVII в. положение янычар подверглось изменению: в их состав допускались малоазиатские турки, им разрешали жениться, жить в столице, от этого они стали «своевольными и злодеями». Янычары выступали на войне, завершая победу, грабили дома христиан, платили за товар по своему усмотрению и т. д. Янычары были подсудны «аге». Султаны не карали их смертной казнью и сами часто зависели от них. Исходя из этого, Лызлов подвергает сомнению общепринятую точку зрения о янычарах: «общее есть мнение, якобы крепость сил турецких содержалась в том янычарском воинстве, но сие ложь есть, яко о том хотящий может дочестися во истории» (III, 70).

Завершается турецкая военная иерархия пашами, беклербегами и сенжаками, избираемыми из среды «жалованных воинств». Таким образом, Лызлов не рассматривает турецкую армию как аморфную массу, а различает отдельные группы воинов (хотя называет и не все).

Так как основой военной силы Лызлов считал флот и мощную артиллерию, то наличие этого и способствовало, по его мнению, военным успехам турок: «ибо и гигант без обороны и оружия, аще бы и лютейший и сильный был, побежден бывает от отрока, оружие имущего» (III, 74). Указания Лызлова на роль артиллерии и сильного морского флота у турок могли оказать определенное влияние на современных Лызлову правителей России, особенно в момент подготовки Азовских походов.

Огромное значение Лызлов придавал также организации войска. Он пишет, что султаны идут на войну имея все, что требуется к «воинскому промыслу». Это может понять всякий, «егда узрит падшие от них сокрушенные стены, такожде и обладания стран и государств пространных, островов великих и градов предивно крепких» (III, 74), приведенных под власть турок.

Военное могущество турок базировалось также на деньгах. Лызлов приводит общую цифру доходов, поступающих в казну в результате сборов с покоренного населения Порты, — 8 млн. скутов в год. Войско и флот обязаны были содержать жители.

Лызлов обращает внимание и на другие источники доходов: кроме прямых поступлений в казну, были и косвенные

доходы. Содержание войска, поставляемого владельцами тимаров, Лызлов оценивает в 14 млн. скутов. С тимаров, расположенных на территории, захваченной у Персии, султан получает более 1 млн. скутов в год, собираемых специально созданной «зборной палатой». Цифры эти ни в какой степени нельзя считать точными.

По убеждению автора колоссальную прибыль получают «султанские начальники» от ограбления покоренных стран, даже послы других государств не могут явиться к султану без богатых подарков, их подносят полководцы и правители областей, от величины подарка зависит порой положение правителей.

Анализируя этот вопрос, Лызлов резонно замечает, что доходов в казне султана могло бы быть больше, если бы турки не истощали войной и опустошениями подвластные страны и не приводили «ко убожеству... общенародство».

Перечислив греческие владения, отторгнутые султаном Орханом (Арханом, Урханом), Лызлов отмечает, что границы османского султаната сливались с очертаниями полуострова Малая Азия. В центр событий этого периода Лызлов правильно ставит взятие Адрианополя (не в 1363, а в 1360 г.) на континенте. Вслед за Галлиполи и Адрианополем турки вторглись в сербские земли. И хотя на сей раз на помощь сербам пришли войска из Византии, Македонии, но, как констатирует автор, было уже поздно.

В Боснии султан посадил своего ставленника и готовился к вторичному походу на Константинополь, который совершил в 1422 г. его наследник Амурат (Мурад II, 1421—1451). Лызлов прослеживает этапы борьбы за «второй Рим» и отмечает, что во время похода 1422 г. Константинополь оказался окруженным турецкими владениями.

Описывая проникновение турок в Хорватию, Австрию, Боснию и другие страны, Лызлов подчеркивает, что это сопровождалось убийствами, пленением и разграблением сел и городов. Автор не упускает случая сказать о зверствах завоевателей: «ножами и бритвами тела их резали и ноги отсекали и в полы живых по улицам топтали». Особенно возмущают Лызлова страшные издевательства над детьми: «отрочат от десяти лет сущих за власы вешали, и по них из пицалей и из луков стреляли», и над женщинами: «женам сосцы отрезывали и самих на древеса втыкали, из чреватых детей вырезывали и об стены разбивали и прочее неизреченное мучительное ругательство творили, не тамо точно, но и в иных местах» (III, 38). Так, русский историк глубоко сочувствует страданиям народов соседних стран.

Центральной темой в рассказе Лызлова о турецких завоеваниях явилась борьба за Константинополь в 1453 г.

Лызлов подробно излагает ход полуторамесячной осады Константинополя, дополняя фактические сведения «Повести о Царьграде» своими пояснениями и ремарками. Лызлов описывает военные приготовления Мехмеда II ко взятию крепости: подход флота, отрезавшего столицу от моря, постройку стенобитных башен, возведение валов, шанцов и мостов через рвы.

Затем Лызлов приводит сведения о покорении Трапезундского царства (1461) и казни его правителя — грека Давида Комнена с 6 сыновьями (на нем прервалась византийская династия), о гибели Стефана — правителя Боснии, с которого султан приказал снять кожу (1463). В Боснии было взято в плен 30 тыс. юношей, превращенных турками в янычар.

Подчеркивая завоевательные устремления султанов, Лызлов замечает, что Мехмед II один хотел быть обладателем всего света, не терпя никого, кто бы мог быть ему равным.

Турки огнем и мечом прошли по венгерской земле, разорив ее вплоть до Варадина. Лызлов полон сочувствия к жителям сел и городов, страдавшим от опустошения: «и таково тогда зло постиже Венгерскую землю, яко не точию написати, но и изрещи едва кто может» (III, 7). Султан не удовольствовался взятием венгерских сокровищ и большого числа пленных, в 1476 г. он обратил свою силу против Валахии. Только продолжение египетской кампании, по словам Лызлова, предотвратило на некоторое время окончательное покорение Молдавии и Валахии.

Лызлов стремился разобраться в международных отношениях Турции, он уловил соперничество между Священной Римской империей германской нации и Османской Портой, их стремление к европейскому господству. Передавая рассказ Бельского о сражении за столицу Венгрии Буду, А. И. Лызлов пишет, что ядра долетали до королевских покоев, но венгры отвергли предложения немецкого командования о сдаче.

Лызлов осуждает неудачный поход императора Фердинанда под Пешт, так как это был поход не только против турок, но и против венгров. Кроме того, Фердинанд спровоцировал шестой (за 22 года) поход султана Сулеймана в Венгрию. В организации крестового похода против турок решающую роль Лызлов отводит папской курии. Он считает, что кардинал Юлиан (Чезарини) опасался наступления турок на итальянские владения и поэтому именем папы освободил («разре-

шил») короля Владислава III от сегединской клятвы (1442). Мурад якобы удивился клятвопреступлению европейцев и, вернувшись из Малой Азии, у г. Варны (древний Дионисполь) в 1444 г. дал им бой. Флот итальянских республик не оказал венграм помощи с моря, поэтому Лызлов склоняется к мысли о том, что здесь имел место подкуп или предательство.

Так Лызлов пытается разобраться в сложных противоречиях европейских стран.

Политическую историю Турции Лызлов заканчивает правлением Мехмеда III, т. е. концом XVI в.

Хотя Лызлов и не рассказывает о крупных антифеодальных движениях в Турции (Кара Языджи и Дели Хасана и др.)¹⁴³, все же внутренние волнения в Порте в XV—XVI вв. нашли отзвук в «Скифской истории». Лызлов пишет о «бунте великом» янычар накануне воцарения Мехмеда III, которые не ограничились дворцом, но «на жителей градских ринушася» и весь Константинополь «взятоша».

Лызлов не упускает случая упомянуть о жестокости султана, приказавшего задушить пятерых родных братьев, которые и были затем положены в ноги отца. Таким образом, автор, хотя и очень коротко, все же касается внутренних событий в Порте.

Он тонко подмечает, что могущество Оттоманской Порты стало медленно клониться к закату именно с конца XVI в.

На протяжении всего повествования автор вновь ставит вопрос о причинах успехов турецких завоевателей.

Говоря о возвышении турецкого султаната на рубеже XIV в., Лызлов указывает на отсутствие единой власти у славян («не бе бо князя, ни вождя, ни наставника в людех»), не раздробленность, которую переживала в это время Византия («иже бяше тогда расторжено на многия части» II, 121), что вело к ее внутреннему ослаблению.

Описав в общих чертах борьбу за византийский престол Иоанна Палеолога с Иоанном Кантакузином, автор повествует о начале европейских завоеваний турок.

Лызлов указывает, что успех турок был облегчен «несогласия ради и междоусобных настроений царей греческих, паче же всего того государства жителей» (II, 111—112).

Лызлов подчеркивает, что в Византии, с одной стороны, усилились междоусобия между царями, князьями и «синклитом», т. е. внутри феодального класса, а с другой стороны — «всенародных человек» оскорбляли богатства («щедроты бо-

¹⁴³ А. С. Тверитинова, *Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции.*

жие вельмож») ¹⁴⁴. Мы не видим особого сочувствия автора положению «всенародных человек», но само указание на классовые распри в Византии представляется очень важным для историка.

Он ищет их во внутреннем положении Византии: «сами греки в конец объюродеша; изволиша с сокровищами вкупе погибнути, в землю их закопавающе, нежели истощити их на оборону свою и имети жен и детей и проче стяжание во всякой свободе» (II, 192).

Лызлов осуждает предательскую политику византийских вельмож и приводит следующий факт: когда в завоеванном Константинополе сложили в одном месте сокровища, султан удивился богатству города. Он велел казнить «мужей благородных и нарочитых», как «губителей сущих своего отечества». Лызлов приводит при этом слова Мехмеда, обращенные к последним: «Где ваш прежде бывший разум. Ибо сим сокровищем не точию мне, но и не вем кому, могли бы есте не токмо отпор учинити, но и одолети» (II, 192).

Господствующая верхушка Византии не уделяла внимания укреплению единства страны и ее границ: «Властели же и синклит греческого царства уклонишася к хищению и неправдам, и к несытному желанию сребролюбия, подручные народы грабят и разоряюще» (II, 122). Таким образом, Лызлов правильно подходил к вопросу о внутренних причинах, способствовавших быстрому падению Византии.

Сама постановка вопроса о причинах успеха турок и рассуждения о жадности вельмож, предпочитавших закапывать свои богатства, чем употребить их на оборону государства, созвучны точке зрения на этот вопрос И. С. Пересветова, русского публициста XVI в.

Причиной падения Константинополя в 1453 г. автор считает также «междоусобные христианские развраты и нестроения». Он отмечает предательство правителей западных стран, которые сами пытались овладеть Константинополем и его богатствами (во время крестового похода 1204 г.), а затем равнодушно взирали на его неминуемую гибель.

Лызлов упрекает европейских правителей, допустивших взятие Константинополя турками из-за распри с греками. Они «не восхотеша таковому злу прежде забежати и помощи подати» (II, 152). Вместо помощи Византии некоторые европейские правители способствовали турецким завоеваниям.

¹⁴⁴ См. постановку вопроса в современной историографии: А. Burmov, *Les problèmes de la conquête de la péninsule des Balkanes par les Turcs*, — «Etudes historiques à l'occasion de XIe congrès international des sciences historiques», Stockholm, août 1960», Sofia, 1960, p. 135. •

Лызлова возмущает продажность генуэзских купцов, которые за плату помогли турецким войскам переправиться на континент и захватить Галлиполи (Жаллиполь). Лызлов восклицает: «О злобы сребролюбия, яко сии малому приобретению образовашася, велие зло от них и сами пострадаша!» (II, 126).

По мнению Лызлова, если бы греческие императоры, сербские и другие правители объединились в момент смерти султана Мехмеда I и покончили с турецким игом, не было бы «зла велиего и бедства неподъятного». Прояви византийские и другие правители мудрость и мужество, «воистину могли все страны христианские в целости быти» (II, 139). Лызлов освещает факты, предшествовавшие падению Константинополя: Баязид (1389—1402) захватил Солунь, Афины, сжег предместья Царьграда и обрек его жителей на голод, царь Мануил послал с просьбой о помощи гонцов на Восток (в Россию) и на Запад (во Францию и к римскому папе), но последние не отозвались.

Лызлов утверждает, что разум, стремление к миру, объединение перед лицом завоевателя могли бы предотвратить последовавшие затем страшные события.

Автор становится на точку зрения хронографа, что «многи злые дела умножахуся во христианех, достойные еще и вящему наказанию»; очевидно, имеются в виду феодальные войны, внутренние междоусобицы, флорентийская уния церквей и другие события, потрясавшие в тот период восточноевропейский мир¹⁴⁵. Как справедливо отметил современный чешский историк И. Мацурек: «Христианский лагерь был разделен географически, экономически, культурно и политически»¹⁴⁶.

Автор указывает, что Венеция и другие европейские государства, ранее равнодушно смотревшие на гибель Константинополя, уже в 80-е годы XV в. ощутили на себе натиск турок: Каринтия, Штирия, Крайна, Апулия подверглись разграблению. Венеция дошла, по мысли Лызлова, до такого «безумия», что «уступила» туркам временно ей принадлежавший албанский город Скутари. Вслед за этим была опустошена Семиградская область Венгрии.

Вновь и вновь автор сетует на несогласие между правителями Европы: «И аще бы в то время окрестные христианские

¹⁴⁵ Лызлов не одобрял унии, говоря, что она ничего не дала, «кроме великия вражды и соблазна верным с римляны» (II, 141).

¹⁴⁶ И. Мацурек, *Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя*, — «*Bizantino-Slavica*», t. XIV. Prague, p. 144.

государи в соединении были и воедино совокупились, то бы, конечно, Белград и Будин и прочие крепкие города могли у турков взяти, но яко они не прилежали о том!» (III, 44—45).

Осуждая междоусобные распри среди венгерских феодалов, Лызлов пишет: «Крали и властели христианские изволяху между собою жестокия брани просирати, нежели противо поганых общим и сильным супостатом своим». По мнению Лызлова, политика венгерских феодалов и захватнические тенденции Габсбургов открыли туркам путь к дальнейшим завоеваниям.

Лызлов осуждает позицию польского короля Казимира, посредничавшего в переговорах Стефана Валашского с султаном. Первый просил помощи у польского короля, однако, **замечает Лызлов**, «ничто же обрете». Когда же турки взяли Хотин и вторглись в Подолию, входившую тогда в состав Польши, Казимир послал войско, но было уже поздно.

Таким образом, историк выступает за единство власти внутри отдельных стран. Залогом успеха в борьбе с завоевателями он считает объединение усилий в международном масштабе, вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности. Приспособленчество некоторой части европейских феодалов Лызлов расценивает как предательство общих интересов, часто не получавшее одобрения и самих завоевателей.

Лызлов пишет о казни султаном знатного грека Гертука, указавшего туркам на слабоукрепленные места Константинополя. Автор оправдывает это действие Мехмеда: «и тако прият нечестивый (Гертук) достойное возмездие измены своей»¹⁴⁷.

Рассказывая о европейских походах Мурада, Лызлов неодобрительно оценивает лавирующую политику сербского деспота Георгия Бранковича, отдавшего дочь (Мару) в гарем султана. Это приспособленчество не помогло Бранковичу, ибо именно в его правление вся Сербия со многими городами, в том числе Смедеревом (1439), была разорена турками, сын Бранковича пленен, а сам он с женой бежал в Венгрию. Автор с негодованием отмечает, что жена сербского князя Лазаря и его сын отдали дочь Оливеру в гарем Баязида и вообще пошли на соглашение с ним.

В настоящее время историками вскрыты глубокие социальные корни туркофильского течения среди византийской зна-

¹⁴⁷ Под именем Гертука ученые подразумевают великого дуку Луку Нотару. [См. Э. Франчес (Румыния), *Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания*, — «Византийский временник», т. XV, 1959, стр. 89].

ти¹⁴⁸. На пагубность и вредность этого направления Лызлов указывал еще в XVII в.

Большое внимание Лызлов уделяет героической борьбе славянских народов Балкан против завоевателей.

Захваты турок в Европе Лызлов рисует как бедствие прежде всего для балканских народов.

Автор со скорбью пишет о том, что со времени битвы на берегу р. Марицы в 1371 г. турки рассыпались по полуострову, «яко птицы по воздуху», а прежде цветущие царства Сербское и Болгарское поразили голод и опустошение, земля оскудела не только людьми, но и плодами земными и скотом.

Лызлов с горечью отмечает, что стремления сербского князя собрать оставшиеся силы для борьбы с врагом ни к чему не привели и битва на Косовом поле была проиграна славянами.

Лызлов приводит в своей книге многочисленные примеры героизма братских славянских народов, ставших объектами турецких завоеваний. На протяжении всей книги он подчеркивает, что в результате упорного всенародного сопротивления турки периодически терпели поражения и их военные победы были преходящи.

Автор красочно рисует подвиг воина Милоша (Обилича, Кобиловичча), который выдал себя за перебежчика и, войдя в шатер Мурада (Амурата), пронзил султана мечом в сердце. Описывая этот драматический эпизод, Лызлов называет Милоша «знаменитым и вечной славы достойным благородным воином». Автор рассказывает о жестоком сражении сербов с преемником Мурада Баязидом, во время которого пало много сербов и их князь Лазарь был обезглавлен на глазах умиравшего Мурада.

Лызлова восхищает отважное сопротивление сербов, семь месяцев державших войска султана под Белградом (1440). Подробно Лызлов описывает подвиг командира генуэзского отряда Дживованни Джустиниани (у Лызлова — Зустеней из Зиновий), пришедшего на помощь осажденным жителям Константинополя (1453)¹⁴⁹.

Так же внимателен автор и к действиям венгерского полководца Яна Гунеади (Яноша Хуньяди), наносившего чувст-

¹⁴⁸ З. В. Удальцова, *Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания*, — «Византийский временник», т. VII, 1953, стр. 120; З. В. Удальцова, *О внутренних причинах падения Византии в XV в.*, — «Вопросы истории», 1953, № 7.

¹⁴⁹ Н. А. Смирнов, *Историческое значение русской «Повести Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г.*, — «Византийский временник», т. VII, М. 1953, стр. 63.

вительные удары султану под Белградом, в Семиградье и в других пунктах¹⁵⁰.

Успешный поход объединенных европейских отрядов во главе с Гунеади против турок в 1443 г. (у Ниша на Мораве) подробно описан Лызловым: венгерская армия одержала победу над Турцией и прошла Македонию, Болгарию, и только отсутствие поддержки извне остановило, по мнению автора, поход у стен самого Адрианополя.

Впечатляющей для историка была битва за сербский Белград, блестяще выигранная Я. Гунеади в 1456 г. Лызлов сообщает, что венгры во главе с Гунеади сумели отвоевать 28 городов у турок. Этим он хотел подчеркнуть, что даже в период наибольших успехов и расцвета Порты султаны терпели поражения от европейских армий.

Лызлов пишет, что Мехмед II бежал из-под Яйце (Босния) в 1464 г., а во время битвы у Бырлад (1475 г.) войско валашского воеводы Стефана, состоявшее из 40 тыс. простых поселян, победило 120-тысячную турецкую армию.

Несмотря на то что в результате правления Мехмеда II к Турции отошло большое количество различных княжеств и 200 укрепленных пунктов, Лызлов спешит сообщить, что турецкая армия далеко не была непобедимой, нередко терпела поражения от своих соседей («возвращалась с великою тщетою и постыдением») и побеждала иногда не столько силой оружия, сколько нарушением элементарных норм международного права, — «клятвopреступлением во время обещанного покая».

Лызлов утверждает, что даже в момент наивысших военных успехов Турция была уязвима и терпела поражения.

Так, на страницах «Скифской истории» мы находим рассказ о битве при Ангоре (Анкаре) в 1402 г. (у Лызлова: в 1398 г.) Баязида с Тамерланом, в которой погибло 200 тыс. турецких воинов, а сам могущественный Баязид попал в плен; Тамерлан заковал его золотыми цепями и возил в клетке по своим азиатским владениям. Приведение этого факта потребовалось Лызлову для того, чтобы еще раз развенчать миф о непобедимости турок.

Основав крепость на р. Саве и оставив в ней 5-тысячный гарнизон, турки пытались присоединить Венгрию. Но король Матвей (Корвин, 1458—1490) с 10-тысячным войском проти-

¹⁵⁰ См. библиографию в ст.: И. Мацурек, *Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя*, стр. 144—145 (о личности и роли Я. Гунеади в борьбе с турками в работе: L. Elekes, *Hunyadi hadserege*, Budapest, 1951).

востоял им и изгнал из крепости. По мнению Лызлова, он сделал ошибку, «не дерзнув за турки гнати» и вместо преследования врага возвратившись «в дальние страны венгерские». Ссылаясь на «Хронику» М. Бельского, Лызлов пишет о героическом сопротивлении туркам жителей греческого порта Медони (в 1500 г.): чтобы не попасть живыми в руки врага, они предпочитали сжигать себя или топиться. Турки захватили этот город, по мнению автора, только благодаря сильному артиллерийскому обстрелу.

Таким образом, Лызлов подчеркивает, что народы Европы, так же как и русские, «мужественно и крепко браняхуся» против захватчиков.

Почва горела под ногами захватчиков. На борьбу с турками поднимались поработанные народы: четы, гайдуки, ускоки наносили чувствительные удары завоевателям. Лызлов подробно описывает кровопролитные бои за венгерские крепости по Дунаю, при этом он указывает на участие в борьбе «граждан», а не воинов (в г. Рабу). Он констатирует, что «бяху турки всюду частыми победами от христиан одолеваеми и толико множество бяше их побито». Особенно больших успехов достигло движение в Семиградском княжестве, в Тамешваре (Банате) и в других районах (III, 53—54).

Именно борьба народов за свою независимость и привела, по мнению Лызлова, к тому, что турки, «оставивши обыкновенную свою гордыню», стали просить мира у окрестных держав.

Автор отмечает, что к концу XVI в. становилось все ощутимее сопротивление, встречаемое завоевателями в Европе; австрийский император Рудольф II нанес чувствительное поражение туркам при р. Кульпе. Наступление австрийских войск вызвало подъем национально-освободительной борьбы в других районах: Лызлов сообщает о том, что 50 городов было отнято у турок «без кровопролития» (III, 44). Очевидно, имеются в виду восстания сербов в Банате (1594), в Хорватии (1593), антитурецкие действия Михаила Храброго в Валахии, восстание болгар в Тырново, движения в различных частях Балканского полуострова¹⁵¹.

Свой рассказ о страданиях народов автор заканчивает славянской песней о турецкой неволе:

Воздыхают с плачем христианские народы,
Братия наша в плене, лишася свободы...

.....

¹⁵¹ И. С. Достян, *Борьба сербского народа против турецкого ига (XV — начало XIX вв.)*, М., 1958, стр. 63—68.

Вси сии плачут зело, потеряв свободу,
 Ибо в своих отечествах кулят и воду,
 В домех си не имут, где главы приклонити,
 Ни един час тогда могут без плача быти...

К тому от коегождо главы по златому
 И днесь рожденный должен дати султау злому.

(III, 76–77)

Хотя у Лызлова нет специальной главы о русско-турецких отношениях, в разделе о Турции он неоднократно касается этого вопроса.

Лызлов пишет, что из всех европейских правителей на призыв византийского императора Мануила против турок откликнулся только московский князь Василий Дмитриевич, приславший с монахом Ирадионом Ослебятей «многу казну» (конец XIV в.).

К концу XV в. Лызлов относит вторжение турецких армий в Подолию, в древности принадлежавшую Руси, здесь завоевателей постигает неудача: хотя поляки, владевшие Подолией, и не выступили против турок, 40 тыс. их погибло от морозов и снегов, некоторые из них пытались согреться даже в чреве зарезанных коней, молдавский господарь Стефан, переодев своих воинов в польские костюмы, направил их против пришельцев, которые и были разгромлены.

Говоря о взаимоотношениях Турции и России в XVI в., Лызлов вновь возвращается к изложению обстоятельств неудачного похода турок в 1569 г. под Астрахань, используя рассказ польского посла А. Тарановского. Причины похода турок в Поволжье Лызлов склонен видеть в стремлении султана к реваншу за взятие Казани и Астрахани войсками Ивана Грозного. Автор сообщает, что Селим II послал посла-поляка Ибрагима Страта, принявшего мусульманство, к польскому королю Сигизмунду I с просьбой пропустить янычар через польские владения, но тот категорически отказал.

Лызлов упоминает о втором бесславном походе турок под Астрахань в 1588 г. и о двукратных посольствах из Турции в Москву: в 1589 и в 1594 гг. Очевидно, он использовал при этом материалы Дворцовых разрядов, так как в летописях об этих событиях сказано очень скупо¹⁵². Лызлов подчеркивает, что могущественный султан вынужден был считаться с Россией, оказавшей под Астраханью отпор завоевательным устремлениям Турции.

¹⁵² ПСРЛ, т. XIV, первая половина, 1910, стр. 48, 53. Лызлов ошибочно называет русского посла Даниила Исленьева Леонтием.

Говоря о столь далеких событиях, Лызлов не теряет связи с современностью: так, описание первых столкновений турок с Византией он сопровождает следующей сентенцией: «яко и по сие время на сие зрим (курсив наш. — Е. Ч.), егда Восточное Греческое царство тии нечестивии повоеваша» (II, 111—112).

Лызлов не упускает случая подчеркнуть необходимость единства действий европейских народов во главе с Россией против турок. Он учит современных ему правителей не вести своекорыстную политику, а быстро откликаться на призыв соседней страны о помощи. Лызлов предупреждает о стремлении турецких правителей «до конца имя христианское истребити». В то же время он неоднократно указывает, что турки часто «сами побеждаеми бываху» и что в их победах решающую роль играла не сила, а раздоры среди европейских правителей и нарушения соглашений между ними.

Несмотря на большое историографическое значение раздела «Скифской истории», посвященного Турции, необходимо отметить некоторые фактические ошибки, допущенные автором.

Описывая ход завоеваний Баязида на Балканах, Лызлов не пишет о захвате турками древней столицы Болгарии г. Тырнова в 1393 г. Болгарский князь Шишман не погиб на поле битвы, а был казнен по приказу султана (1389).

Лызлов приводит неверную дату битвы на Косовом поле — 1377 г. (в действительности она произошла в 1389 г.).

Лызлов неточно сообщает годы правления наследников Баязида, между которыми происходила борьба: младший сын султана Мехмед I правил не с 1405 г., как у Лызлова, а с 1413 по 1421 г.

Мы не встречаем у Лызлова описания борьбы Я. Гунеади против турок, после того как он стал воеводой Венгрии. Вопреки тому что первый султан Отоман (что значит «ломатель ног») был сыном вождя племени сельджуков Эртогрула¹⁵³, Лызлов повторил домыслы Стрыйковского, что он «от простых, убогих и незнатных родителей рожден» (II, 120).

Он приводит ошибочные даты правления первых султанов: Отоман (Осман) правил с 1288 по 1326 г., а не с 1300 по 1328 г.; Орхон — с 1326 по 1359 г., а не с 1328 по 1350 г. [в издании Н. И. Новикова: 1250 г. (II, 12)]. Лызлов не указал, что именно при Орхоне стали появляться янычары («новое войско»).

¹⁵³ А. Чемерзин, *Турция, ее могущество и распадение*, т. I, СПб., 1878, стр. 15 и сл.

Автор не упоминает о походах на континент старшего сына Орхона Сулеймана, о переносе столицы из Брусы в Адрианополь и т. д.

Несмотря на то что о многочисленных сражениях Скандербега с турками Лызлов читал во многих «историях воинских», он не остановился на описании его подвигов под тем предлогом, что о таком «знаменитом победотворце» лучше «совершенно молчать, нежели мало писать» (II, 150).

Лызлов почему-то не упоминает о поражении турок под Веной в 1529 г. Это тем более странно, что он был современником другой неудачи турок при осаде Вены в 1683 г. Сопоставления здесь были бы уместны. Лызлов не описал и неудачи австрийского похода турок в 1532 г.

Рассказывая о борьбе, вспыхнувшей в Молдавии и Валахии в середине 70-х годов, Лызлов, по нашему мнению, путает события и действующих лиц. Так, в период господства Богдана III в районах Венгрии появился некий Иован Ненада, организовавший борьбу с турками (в 1526—1527 гг.). В 70-е годы происходит новый взрыв антитурецких выступлений в Молдавии: в главе с господарем Иоаном Водом. Лызлов же объединяет имена этих людей в одном Ивони.

Описывая турецкие вторжения в Центральную Европу и борьбу с ними, составитель «Скифской истории» не освещает завоеваний османов на арабском востоке (Багдад, Табриз), на Кавказе и в Африке (Триполи, Алжир, Тунис). Лишь один раз Лызлов отвлёкся от основной темы и две страницы посвятил войне турок с персами. Да и то это было сделано для того, чтобы рассказать о хитрости персов, якобы выставивших против османов женский корпус, «ибо тии умеют творити брань, яко и мужи» (III, 15). При этом Лызлов поспешно делает оговорку: «Сице уже пишуци, мною, яко отлучихся нечто от описания дел Турецких, бывших тогда в Венгрех, к ним же паки приступаю» (III, 15).

Лызлов преувеличивает успех правителя персидского государства Ак-Коюнлу Узун Хасана, якобы опустошившего Малую Азию, тогда как известно, что в 1473 г. войска Узун Хасана потерпели поражение от турок.

По книге Ботера Лызлов бегло упоминает о сражении турок с персами в Закавказье, взятии Табриза, Дербента, Великой Армении, Азербайджана и Грузии.

Сношения России с Турцией, по-видимому, начались не в 1482 г., как пишет Лызлов, а еще в 1445 г., когда в Аккермане был задержан турецкими властями дьяк Федор Курицын. В 1486 г. переговоры России и Турции велись при посредничестве крымского хана Менгли-Гирея.

Султан Баязид (1481—1512) обменялся с великим князем Иваном III грамотами. В 1493 г. литовский князь Александр не пропустил турецкого посла в Россию. В 1497 г. с посольством в Царьград прибыл М. Плещеев, а в 1499 г. — А. Голохвостов. Лызлов об этих фактах не упоминает.

Раздел о правлении Сулеймана (1520—1566) заканчивается рассказом о вторичном взятии Белграда и о заключении ряда договоров с Фердинандом и персидским царем Тахмаспом I (1524—1576). Поскольку Лызлов не пользовался для написания этого раздела русскими источниками, он упустил факты, рисующие взаимоотношения Турции с Россией при Василии III и Иване IV. В «Скифской истории» не упоминается о посольствах Алексея, Коробова (1515 г.); Д. Степанова, Т. Губина, И. С. Морозова-Брюхова (1523 г.) и об ответных приездах в Москву Кемаль-паши Мангуйского, Скиндерсака¹⁵⁴.

Несмотря на ошибки и пробелы, имеющиеся в книге и легко объяснимые уровнем науки в XVII в., следует отметить существенный вклад Лызлова в изучение истории Турции.

Впервые в русской историографии Лызлов сделал попытку осветить экономику, военный строй и политику Турции вплоть до конца XVI в. Он подметил военно-грабительский характер Османского государства, что, по его мнению, не создало условий для внутреннего развития хозяйства, особенно в присоединенных территориях.

Лызлов старательно подобрал факты поражения турецкой военной машины и тем самым разоблачил миф о ее непобедимости. На исторических примерах он доказал, что при всей своей силе турецкая армия имеет уязвимые места и может быть побеждена храбрым и хорошо вооруженным войском.

Автор донес до русских читателей имена бесстрашных полководцев средневековья, боровшихся с турецкими захватчиками: генуэзца Джустиниани, венгра Яноша Гунеади, серба Милоша Кобилича, албанца Скандербега, Стефана Боснийского.

Лызлову равно близки и судьба древнего Белграда, и болгарских сел, и боснийского города Яйце. В этом большое международное звучание «Скифской истории».

Лызлов уверен, что совместные действия европейских народов приведут к освобождению от турецкого ига: «Уже бо тамо нас убози христиане, братия наша, с радостью и с надеждою ожидают, готовы суще на своих и наших супостатов помощь подати!».

¹⁵⁴ Н. А. Смирнов, *Россия и Турция*, т. I, стр. 68, 69, 71, 72.

Это была патриотическая идея совместной борьбы всех поработанных народов против общего врага: «и нам вскоре иметь помощь послати». Лызлов призывает современников твердо верить, что освобождение наступит «во дни наша» (III, 81).

Общественно-политические взгляды А. И. Лызлова

Изучение экономических, общественно-политических и исторических воззрений Лызлова затруднительно для исследователя, во-первых, в силу компилятивности его книги и, во-вторых, тем, что автор в слабой степени касается внутреннего положения России.

Взгляды Лызлова по экономическим вопросам отражают прогрессивные тенденции развития дворянской экономической мысли той эпохи.

Государственное богатство Лызлов ставит в зависимость от благосостояния подданных. Рассматривая источники доходов турецкого султана, он пишет: «...основание бо доходов государственных — земледельство и труды около его». Это суждение показывает, что Лызлов понимал значение развития основы феодального производства — земледелия. «...Егда же земледельцев мало, тогда всего бывает недостаток», — писал он.

Земледелие, по его мнению, «подает основание художествам» (ремеслам), а художества — купечеству, торговле.

Мысль, что богатство государства зависит от «общенародства», которое приобретает его для страны «трудами и промыслами», была одновременно и передовой и утопичной, поскольку она касалась условий средневековой Турции.

Рассуждения о зависимости доходов центральной власти от благосостояния подданных встречались до Лызлова, например в трудах публициста XVI в. Ермолая-Еразма, в экономических проектах А. Л. Ордина-Нащокина, наконец в «Книге о скудости и богатстве» современника Лызлова идеолога купечества И. Т. Посошкова¹⁵⁵. Представляют интерес наблюдения Лызлова над тем, что «паши и иные султанские начальники, яко пиявицы, высасывают кровь из подданных своих» (III, 62), разоряют население, «насыщая себя» и родственников султана богатством. Такая оценка турецких вель-

¹⁵⁵ Е. В. Чистякова, *Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина*, — «Труды Воронежского государственного университета», т. XX, 1950; Б. Б. Кафенгауз, *И. Т. Посошков*, М.—Л., 1950.

мож присуща также дворянскому публицисту XVI в. И. С. Пересветову¹⁵⁶.

Лызлов указывает на военно-грабительский характер султана: «...турки не мыслят и не тщатся ни о чем ином, точию о бране и оружии военном» (III, 60). В этом крылась причина отсталости Порты по сравнению с европейскими странами. Лызлов указывает, что вместо заботы о развитии земледелия и градостроительства султаны все подчиняют нуждам армии. В покоренных ими областях «зело много пустынь безмерных и опустощенных стран, нещето мало градов людных, но множае пустых стран» (III, 61). Лызлов отрицательно расценивает то, что в Османской империи торговля и судоходство передаются посредникам из других государств. На протяжении всей книги он подчеркивает важность флота как в военном, так и в торговом отношениях. Подобные рассуждения свидетельствуют о том, что автор был сторонником протекционизма. Лызлов обращает внимание на необходимость твердой финансовой политики: он указывает на факты падения стоимости денег в Турции, когда «серебро и злато так было испорчено», что «червонный золотой вдвое тогда был ценою, нежели прежде» (III, 63).

Лызлов порицает взяточничество, широко распространенное среди государственных служащих. Он считает это язвой общества.

Таким образом, хотя в «Скифской истории» имеются самые общие высказывания по экономическим вопросам, касающиеся преимущественно экономики Турции, можно сказать, что мысли автора созвучны передовым экономическим теориям его времени. В суждениях по социальным вопросам Лызлов оставался сыном своего класса — дворянства. Хотя он видел социальные различия в обществе (в татарских ханствах и в Турции), однако он осуждал «бунты» и «несогласия» между жителями Константинополя, среди янычар и пр. Изучая ход турецких завоеваний на Балканах, он прежде всего обеспокоен судьбой «благородных» людей, а не простого населения. Описывая зверства турок, автор скорбит о казнях «богатых и честных», хотя известно, что прежде всего от зверств янычар страдало население сел и городов (II, 222)¹⁵⁷.

¹⁵⁶ А. А. Зимин, *Пересветов и его современники*, М., 1958.

¹⁵⁷ Это подтверждают и статистические данные, опубликованные современным турецким историком О. Барханом. Они свидетельствуют о том, что в XV в. в славянских городах местные жители иногда оставались в меньшинстве (А. Д. Новичев, *Население Османской империи в XV—XVI вв.*, — «Вестник ЛГУ», вып. 3, 1960, № 14, стр. 35); ср. Б. Цветкова, *Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт*.

Желая принизить некоторых деятелей, Лызлов вопреки истине приписывает им незнатное происхождение. Так, он указывает, будто родители Мухаммеда были «обон худого и убогого рода» (III, 80). В то время как известно, что он принадлежал к знатному роду Мекки Курейш. Правитель Средней Азии Тамерлан, по его мнению, «худородный и злодей» (I, 56—57) и т. д.

Лызлов был сторонник сильной, абсолютной монархии: через всю книгу красной нитью проходит апология неделимой наследственной законной власти. Автор сочувственно излагает притчу о князе Эдигее, завещавшем якобы своим 30 сыновьям, «дабы вси жили купно, не деляся царством и один бы единого не истребляли, но купно стерегли государство свое».

Эта притча звучала в России особенно актуально в тревожные годы двоецарствия, когда на троне сидели столь различные Петр I и Иван V, а в Новодевичьем монастыре не могла примириться с потерей власти их сестра Софья.

Лызлов не устает повторять, что внутренние династические распри ослабляют центральную власть.

Автор порицает князей, которые в пору тяжелого испытания думали лишь о собственном спасении. Так, он пишет, что князь Мстислав Мстиславович во время бегства после битвы на р. Калке (1223 г.) приказал сжечь ладьи на переправе и пешком пришел в Галич, а русские люди, бежавшие следом, погибали, и только немногие переправлялись через реку на таволожных снопах.

Другой князь Владимир Рюрикович также «здравие свое спасе бегством в Смоленск» (I, 22), а киевский князь Михаил Всеволодович «сам со всеми своими убеже в Венгры» от Батыевой рати (I, 37).

Идеал сильной власти Лызлов видит в правлении Ивана IV. Пересказывая текст «Казанской истории», он неустанно подчеркивает мудрость царя, наделяя его эпитетами «бодроосмотрительный», «благочестивый» и т. д. Лызлов был сторонником наследственной монархии, он утверждал, что «власти, зле приобретенныя, недолго обыкоша пребывати» (I, 51). Таким образом, и в этом отношении он продолжает линию И. С. Пересветова — дворянского публициста XVI в.

Как отмечает советский исследователь взглядов И. С. Пересветова А. А. Зимин: «Борьба за укрепление самодержавной власти, деятельность Ивана Грозного, отношение к грекам и южным славянам, агрессия крымско-турецких феода-

лов — вот вопросы, на которые русский читатель XVII в. искал ответа в сочинениях И. С. Пересветова»¹⁵⁸.

Вместе с тем Лызлов присоединяется к проповедям А. М. Курбского о необходимости советов царя с «синклитом» — приближенными боярами, рисует доблесть таких одиозных для того времени фигур, как погибшие князья М. И. Воротынский, В. А. Старицкий, Юрий Васильевич (брат царя), П. С. Серебряный, и, тем самым, не одобряет казней этих лиц (I, 179, 183, 196).

Вопреки летописям, где проводится идея благословения всех дел царя митрополитом, Лызлов подчеркивает независимость действий Ивана IV от церкви. В этом сказалось некоторое освобождение историка от ее авторитарного влияния. Так, советам Макария Иван IV «не внят... ниже краем уха послуша: но в подвизе своем, яко тверд адамант пребывающе и дерзновенно путь свой прият» (I, 131—132)¹⁵⁹.

В духе пересветовской традиции Лызлов проводит идею всемерного укрепления армии. Он иронизирует над поступком правителя г. Яйце Стефана, который отказался употребить свое золото и серебро на оборону «государству своему» (II, 196). Лызлов подчеркивает важность морального фактора в битвах: в решительные минуты царь сам должен возглавлять армию.

Он описывает распри и беспорядки, имевшие место в разноплеменных войсках: «Немецкое же воинство сущи различных стран и много начальников имущи, ничто же благо творяху, яко в таковом их нестроении едва не целое лето прейде...» (III, 20). Приведенная цитата свидетельствует, что Лызлов был сторонником единоначалия и строгой дисциплины в армии. В этом отношении любопытна речь Махмеда II, приведенная Лызловым. Обращаясь к армии, султан призывал янычар не бояться противников: «Сами есте нравы того народа, яко суть унылы, боязливы, ленивы, недобры, необыкновенны прохладству и покою привычны, без подушек (спать) не умеют, без утехи веселы быти не могут. Такожде кроме пианого пития и не упившись, советовати не смыслят. Словесы токмо воуют, а не делом. Воинского поведения не знают. Коней только ко псовой охоте имеют, аще бо кто от них восхощет ко брани коня имети, принуждается от нас добывать. Нетерпеливы гладу, мразу, зною, трудом и поручению,

¹⁵⁸ А. А. Зимин, *Пересветов и его сочинения*, — «Сочинения И. Пересветова», под редакцией члена-корр. АН СССР Д. С. Лихачева, М.—Л., 1956, стр. 27.

¹⁵⁹ Ср. ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 186, 187.

с женами на войнах бывают. Высоко садятся и ложатся, горяче едят, но студено воюют». Он противопоставляет этим изнеженным воинам неприхотливых турок: «Чего всего у вас, воинники мои, не обретается — живота не щадите, мало спите, ибо бес подушек в малом довольстве имеете; несчастье подьмете; земля вам стол, и ложе, и лавка. Ничто же у вас противного, трудного и тяжкого, еже бы вам за легкое и приятное не мнилось бы»¹⁶⁰.

Лызлов осуждает порядки в наемнических армиях Запада. Так, например, неудачи крестовых походов он видит в отсутствии единоначалия: «яко от разных стран собрани суще и вождей каждой своих имуще, иже не соглашахуся между собою» (II, 118).

Религиозная принадлежность для Лызлова не была самоудовлетворяющим признаком. Основным, что должно было объединять народы независимо от вероисповедания, по мнению автора, была борьба с татаро-турецкими захватчиками.

Лызлов был выше религиозно-национальной ограниченности. Язычников-половцев он характеризует как народ смелый и мужественный. Ему импонирует, что татары-мусульмане «хана великого царя своего... на свете веками почитали и вместо святого имели, и чтили, и величали» (I, 9). Он негодует на то, что Тамерлан захватил «искони вечную и славную персидскую монархию» (I, 57). Лызлов сочувственно относится к католической Литве, которую крымские татары подвергли разорению. Следуя за хронистом Стрыйковским, он пишет, что ханы «частыми приходами на литовские страны великие пакости чинили литовскому князю Ольгерду» (I, 52).

Об этом же свидетельствует и то, что он обращался к трудам историков независимо от вероисповедания последних. Лызлов подчеркивает, что султаны только и мечтают перессорить между собой европейцев, а после, когда «во изнеможение пришли, они бы могли тогда всех их истребити» (II, 118). Действительность показала, что распри между балканскими народами были выгодны врагу.

Лызлов страстно призывает к свержению многовекового турецкого ига, он уверен, что славяне — «братия наша, с радостью и с надеждою ожидают...» от России «помощи и свободы». Борьбу против турецкого ига должна возглавить Россия, «собрав многочисленные полки христианского воинства и имеючи согласие со окрестными христианскими государствами...» (III, 81). В этом отношении взгляды Лызлова близки

¹⁶⁰ НБГ, 5. Gh. 27., л. 212.

идеям его современника, приехавшего в Россию из Сербии, Юрия Крижанича¹⁶¹.

Лызлов уверен, что высокая миссия России и русского народа в освобождении балканских народов от турецкого ига завершится успехом. Он мечтал, чтобы это совершилось «во дни наша».

Сама задача составления «Скифской истории» диктовалась патриотическим стремлением автора донести до «нелепного читателя» «о многом подвиге и мужестве предков своих сынов Российского царствия». Лызлов не жалеет красок для описания беззаветного служения русских воинов интересам своего отечества. При этом автор сетует на то, что для описания храбрости своих предков он не мог найти достаточно фактов: «... коликие тогда подвиги и труды в воинских делах показаша, о том исписати трудно, паче же по прешествии лет многих» (I, 107).

Наряду с мужеством воинов Лызлов показывает гуманность русских военачальников, которые «не желаше бо пролития крове не токмо христианския, но ниже поган самых» (I, 127).

Рассказывая о перипетиях многовековой борьбы славянских народов с татаро-турецкими завоевателями, Лызлов неустанно тянет нить к своей эпохе.

Автор часто обращается то к читателям, то к историкам-«люботрудникам», то к государям. Как в VII в., «даже до ныне, уже через тысящу лет и вяци (Турция) непрестанное пленение и пустошение творит государствам христианским». В «Скифской истории» часто встречаются такие выражения: «яко по сие время на сие зрим» или «всяк то познати может, когда узрит падшие от них сокрушенные стены» (курсив наш. — Е. Ч.) и т. д. Обращение к современности придает его труду публицистический оттенок.

Историческая концепция А. И. Лызлова отступала от теорий предшествующего летописного этапа, объяснявших явления с позиций провидения, действием воли божьей, наказанием за грехи и т. д.

Он пытается проследить логику исторических событий, во многих случаях рационалистически толкует причины исторических явлений. Например, упадок могущества Золотой Орды он объясняет, с одной стороны, развитием внутри ее «междоусобных браней и нестроения», с другой, победами русского оружия — «паче же от пленения воинства Российского».

По мнению Лызлова, Константинополь пал из-за внутрен-

¹⁶¹ Крижанич Юрий, Собрание сочинений, вып. 1—3, М., 1891—1892.

ней междоусобной и классовой борьбы, недовольства «всего того государства жителей», своекорыстия вельмож, переходивших на сторону врага (имеются в виду туркофилы типа Гертука — Луки Нотары и др.), и из-за того, что они прятали в землю свои сокровища, вместо того чтобы укреплять оборону страны (III, 112). Эти течения изучаются в современном византиноведении¹⁶².

Успех турецких завоевателей он объясняет отсутствием единства и согласованности действий правителей европейских государств; «несогласия ради и прохладного пребывания и лености начальников областей христианских» (III, 74).

Уже приведенные примеры позволяют утверждать, что в объяснении различных явлений Лызлов ищет причинную связь исторических событий.

Но полностью Лызлов не освободился от влияния богословской традиции. Несмотря на то что он опустил религиозно-нравоучительные рассуждения Нестора-Искандера из «Повести о Царьграде» и некоторые молитвы Иоанна Глазатого из «Казанской истории», все же он отдает дань традиции и приводит в ряде мест «чудеса» и «знамения», а также восклицания, обращенные к богу. Свои реалистические рассуждения он стремится подкрепить отвлеченным «моральным» фактором. Так, он выписывает у Стрыйковского строки о комете, обращенной хвостом на восток, пролетевшей якобы перед нашествием татар, присоединяется к словам хрониста о том, что «планета Сатурнус непостоянный, иже по принуждению творит люд мучительный, страшный и жестокий» (I, 30). «Попущением Божиим» он объясняет мор в татарских улусах, землетрясение 1509 г. на территории Средиземноморья и т. д. Вслед за летописцем он склонен толковать набег Батые «за многие грехи наша». А успех турецких завоевателей объясняет: «прехов ради и скверных дел народов христианских». Автор приводит предсказания древних мудрецов о падении Константинополя и о том, что со временем «российские народы турок имут победити...» (II, 193).

Но при этом автор сознает необоснованность некоторых толкований: так, рассказывая о сне Мурада II, он пишет, что гадатели, «яко прелестницы злые», истолковали сон султана так, чтобы обратить его гнев на христиан (III, 45). Отсюда явствует, что «гадатели» не владеют потусторонней силой, а в своих предсказаниях исходят из определенных политических интересов.

¹⁶² Ср. Э. Франчес, *Классовая позиция византийских феодалов в период турецких завоеваний*, — «Византийский временник», т. XV, 1959.

С этой точки зрения характерен тон, которым автор говорит о мусульманской религии: он ищет ее социальные корни, подчеркивает первоначальный демократический характер ислама, имевшего успех между «невеждами» и простыми людьми. Ислам был религией феодального общества, поэтому не удивительно, что Мухаммед давал освобождение рабам, к нему шли простые люди разных народностей, но за это «господа вознегодаваша нань, невольников ради своих возмущенных от него и бегающих от них» (II, 90). Лызлов приводит биографические сведения о Мухаммеде, отмечает его природный ум и «остроту многую». Успех его проповедей он объясняет военными победами. Лызлов вскрывает практические меры, применяемые мусульманским духовенством к распространению ислама: составление Корана, закрытие философских академий на Ближнем Востоке, расселение мусульман в других областях и последовавшие вслед за этим смешанные браки, торжественность обряда обращения в мусульманство, запрещение содержать в порядке христианские церкви, носить оружие немусульманам, ездить им верхом и т. д.

Приведя сведения о человеке, имевшем якобы изображение пророка на своей груди, Лызлов иронически замечает «Мню, яко некою водкою жестокою учинено» (II, 24). Он попытался представить течения в исламе в зависимости от конкретных условий принявшей веру страны и характера ее жителей. В этом еще раз проявился рационалистический элемент мировоззрения Лызлова. Таким образом, хотя речь шла о сугубо богословских вопросах, Лызлов весьма жизненно подходил к их освещению.

«Скифская история» — показатель противоречивой борьбы старых и новых тенденций: рационализм в ней торжествует, а провиденциализм отступает и проявляется на страницах «Скифской истории» как неминуемая дань традиции.

Историки-гуманисты в странах Западной Европы отражали идеологию нарождающейся буржуазии, отсюда их воинствующий атеизм, идеализация античности, республиканские идеи. В России выразителями новой, рационалистической мысли становились представители дворянства, поэтому они осуждали принцип выборности (султанов), восхваляли монархию, основывавшую свою политику на «разумных» началах, призывали к укреплению военного могущества своего феодально-крепостнического государства.

В социальной принадлежности носителей нового направления и была, по нашему мнению, особенность и противоречивость русской историко-биографической мысли конца XVII — начала XVIII в.

Изучение «Скифской истории»

Научное использование сведений, собранных в «Скифской истории», наблюдалось еще в начале XVIII в., быть может при жизни автора. В «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии», составление которой приписывается Ф. Прокоповичу, имеются ссылки на «Скифскую историю»¹⁶³.

В 1713 г. была издана одна из редакций «Повести о Царьграде», заимствованная из «Скифской истории». Тем самым редактор этого издания принял «целиком исторические и религиозно-этические взгляды Лызлова»¹⁶⁴. Незначительные добавления к «Повести...» были сделаны лишь из хронографа Дорофея Монеувасийского, переведенного в 1665 г. Кроме того, поскольку повесть вышла как раз после Прутского похода, был несколько смягчен непримиримый тон Лызлова в отношении Турции и политики западных держав, поощрявших ее агрессию.

Из «Скифской истории» «Повесть о Царьграде» попала в Болгарию, где и была опубликована в XVIII в. с некоторыми пропусками¹⁶⁵.

Как видно из трудов и переписки русских историков В. Н. Татищева и П. И. Рычкова в середине XVIII в., оба они были знакомы со «Скифской историей». Татищев считал, что «она к татарской истории много потребна»¹⁶⁶. На одном из ранних списков «Скифской истории» помечено: «Татищева»¹⁶⁷. С этого экземпляра, правленного черными и красными чернилами, по заданию владельца в 1745—1746 гг. был сделан новый список¹⁶⁸. Насколько Татищев ценил «Лызлову оригинальную татарскую историю, именуемую Скифия», го-

¹⁶³ «Описание рукописного отдела Библиотеки АН СССР», т. III, вып. I, стр. 400, 402, 405; БАН, д. Строгановский, 60, лл. 59, 60; д. 32.13.1, л. 5.

¹⁶⁴ ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 2, д. 35, л. 67; М. Н. Сперанский, *Историко-литературный обзор повестей и сказаний о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв.* См. также в кн.: М. Н. Сперанский, *Из истории русско-славянских литературных связей* [глава «Повесть о взятии Царьграда турками в «Скифской истории» А. Лызлова (из истории русско-польско-болгарских связей на рубеже XVII—XVIII вв.)], стр. 211—224.

¹⁶⁵ ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 2, д. 35, л. 67.

¹⁶⁶ П. Пекарский, *Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова*, — «Отделение русского языка и словесности АН», т. II, СПб., 1867, № 1, стр. 20.

¹⁶⁷ БАН, д.32.4.27, л. 1.

¹⁶⁸ Там же, д. 32.13.6.

ворит тот факт, что он рекомендовал П. И. Рычкову ознакомиться с ней¹⁶⁹.

В своих работах о татарах, об истории Оренбургского и Астраханского краев и особенно в «Опыте казанской истории древних и средних времен»¹⁷⁰ П. И. Рычков использовал материалы «Скифской истории». В рецензии на «Опыт...», помещенной в «Göttingische Gelehrte Anzeigen» (1760, Bd 2, S 1340—1349), А. Шлёцер писал, что ее недостатки проистекают от того, что автор использовал труд Лызлова, а не западноевропейских историков. Рычков отвечал, что рецензия Шлёцера показывает «самовольство сочинителя ее», а «неуважение тех писателей, которых я, в некоторых местах, употреблял, не заслуживает возражения»¹⁷¹.

Г. Миллер, не в пример своему соотечественнику Шлёцеру, высоко ценил «Скифскую историю» и переводил на немецкий язык отдельные ее фрагменты¹⁷². В конце XVIII в. интерес к сюжету «Скифской истории» возрос; это было вызвано политической ситуацией. В связи с русско-турецкими войнами и присоединением Крыма к России появились переводные сочинения о Турции. Так, в 1789 г. в Петербурге у Брейткопфа был напечатан перевод книги, изданной в 1788 г. в Берлине: «Новейшие известия о Турецкой империи для тех, кои желают иметь сведение о состоянии оной, особливо при случае нынешней ее с Российской и Римскою империями войны, с генеральною картою всех Турецких земель». Это — краткий рассказ современника о состоянии Турецкой империи: «Историческое и географическое начертание, обряд богослужения и качество нравов, образ правления, военный порядок». Вслед за этим в 1789 г. были изданы «Цареградские письма о древних и нынешних турках» (СПб., в 8°); в них содержалось 14 коротких рассказов о Турции, разнообразных по содержанию: о законах, нравах, праздниках и т. д.

В этот период на «Скифскую историю» обратил внимание Н. И. Новиков и дважды (в 1776 и 1787 гг.) опубликовал ее¹⁷³. В обращении «К читателю» издатель поместил дату составления книги, назвал Андрея Ивановича Лызлова столь-

¹⁶⁹ П. Пекарский, *Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова*, стр. 20.

¹⁷⁰ П. И. Рычков, *Опыт...*, СПб., 1767, стр. 5, 6, 12, 25—27, 68—70.

¹⁷¹ П. Пекарский, *Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова*, стр. 79.

¹⁷² Там же, стр. 74; ЦГАДА, ф. 199. Портфель Г. Ф. Миллера, д. 347, № 18, лл. 1—9 и № 15.

¹⁷³ Первое издание в Санкт-Петербурге, ч. 1, в 8°, второе издание в Москве в типографии Компании типографической (полностью, в 4°).

ником и упомянул о списке, с которого делалась копия. Издатель сообщает, что «труд Лызлова давно уже писателями Российской истории похвален и уважаем». Он включил имя историка в свой «Опыт исторического словаря о российских писателях»¹⁷⁴.

На рубеже XVIII и XIX вв. «Скифской историей» заинтересовался собиратель рукописей граф Н. П. Румянцев. О книге Лызлова он вел переписку с Н. А. Мурзакевичем — историком Смоленска. Последний подверг сомнению сведения Н. И. Новикова о Лызлове, приведенные издателем в предисловии к «Скифской истории»¹⁷⁵. Воронежский историк Е. Болховитинов, также поддерживавший контакт с Н. П. Румянцевым, внес в литературу ошибочные утверждения Мурзакевича о том, что Лызлов был смоленским священником, и неверную дату составления книги (1698 г.). Эти ошибки повторили А. Старчевский, Г. Геннади и др.¹⁷⁶.

Во второй половине XIX — начале XX в. сочинение Лызлова упоминалось в библиографических указателях¹⁷⁷ и некоторых капитальных исследованиях¹⁷⁸, а также в краеведческой литературе.

Археолог-любитель полковник А. А. Мартынов в 1842—1847 гг. составил «Записки о местностях в Войске Донском и вещественностях, там открытых», в которых пытался толковать отдельные места «Скифской истории» в плане исторической географии¹⁷⁹.

Первым более подробным описанием одного из списков «Скифской истории» был обзор П. А. Преображенского, поме-

¹⁷⁴ Н. И. Новиков, *Опыт...*, СПб., 1772, стр. 132.

¹⁷⁵ «Никифор Адрианович Мурзакевич, историк города Смоленска», стр. 61—77; ГБЛ, ф. Н. А. Мурзакевича, д. 2583, лл. 20—106.

¹⁷⁶ Митрополит Евгений, *Словарь русских светских писателей*, т. II, М., 1845, стр. 36, 37; А. Старчевский, *Очерк литературы русской истории до Карамзина*, СПб., 1845, стр. 84.

¹⁷⁷ Я. Березин-Ширяев, *Материалы для библиографии*, СПб., 1868, стр. 28; В. С. Соликов, *Опыт российской библиографии*, СПб., 1904, № 4912; В. П. Семенников, *Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова*, ч. II, 1921, № 43, 805; С. А. Венгеров, *Источники словаря русских писателей*, Пг., 1917, ч. 4 и др.

¹⁷⁸ В. И. Иконников, *Опыт русской историографии*, т. II, кн. 2, Киев, 1908, стр. 1277, 1327; Г. З. Кунцевич, *История о Казанском царстве или Казанский летописец*, СПб., 1905, стр. 3, 233, 553; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, т. I, М., 1863.

¹⁷⁹ [А. А. Мартынов] *Записки о местностях в Войске Донском и вещественностях, там открытых*, — «Дон», Новочеркасск, 1887, № 7—9, 12. Об этой работе см.: П. Н. Черняев, *А. А. Мартынов и его археологические записки (1777—1865)*. — «Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии», Ростов-на-Дону, кн. 1, 1929—1930, вып. 5—6, стр. 44, 45.

щенный за подписью П. П. в «Приложении к Отчету Самарского городского публичного музея за 1902—1903 гг.»¹⁸⁰. Автор сообщает о приобретении списка «Скифской истории», ссылаясь на упоминание о ней в библиографических справочниках и делает попытку оценить положительные и отрицательные стороны книги Лызлова. Он отмечает описание в ней стран, прилегающих к Азовскому и Черному морям, подчеркивает ценность этнографических сведений в «Скифской истории», приведение автором «живых и ярких» военных деталей.

Вместе с тем автор обзора упрекает Лызлова в излишней зависимости от источников, изложении мистических преданий о происхождении народов, приведении чудес и знамений и заключает, что «Скифская история» — образец «нашей первобытной, наивной и некритической историографии».

Дискуссия о материалах книги и ее авторе, разгоревшаяся на страницах журнала «Книжных магазинов товарищества М. О. Вольфа известия по литературе, наукам и библиографии», свидетельствует о том, что и в начале XX в. трудом Лызлова интересовались любители истории¹⁸¹.

В советское время к книге Лызлова обращались туркологи и историографы. С. А. Семенов-Зусер считает, что это произведение, хотя и «пестрит неточностями, тем не менее представляет значительный интерес как первая попытка систематизировать материалы и источники о древнейшем периоде истории России»¹⁸².

На роль «Скифской истории» в русской ориенталистике неоднократно указывал в своих исследованиях Н. А. Смирнов¹⁸³.

В чрезвычайно ценном и полезном «Словаре» И. У. Будовница, к сожалению, приведены ошибочные сведения о А. И. Лызлове и его произведении¹⁸⁴.

¹⁸⁰ «Самарский городской публичный музей и зал императора Александра II. Отчет за 1902 и 1903 гг.», стр. 23 и сл. Раскрытие инициалов автора обзора см. в кн.: В. Н. Перетц, *Рукописи библиотеки Московского университета, Самарских библиотек и музея и Минских собраний*, 1934, стр. 138.

¹⁸¹ «Книжных магазинов товарищества М. О. Вольфа известия по литературе, наукам и библиографии», СПб., 1902, № 12; 1903, № 1—7.

¹⁸² С. А. Семенов-Зусер, *Скифская проблема в отечественной науке*, Харьков, 1947, стр. 11, 12.

¹⁸³ Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI—XVII вв.*, стр. 47; Н. А. Смирнов, *Очерки по истории изучения ислама в СССР*, М., 1954; «Очерки по истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 505.

¹⁸⁴ И. У. Будовниц, *Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы*, стр. 161, 302.

* * *

«...Новый период русской истории», начавшийся примерно с XVII в.¹⁸⁵, имел своим следствием то, что светская рационалистическая идеология проникала не только в литературу и искусство, но нашла свое отражение и в историографии, хотя прежний провиденциалистский подход к фактам не сразу уступил свои позиции. В книге Лызлова мы наблюдаем борение нового со старым, где возгласы «за грехи» уступают место попыткам причинного объяснения событий и анализу фактов.

«Скифская история» имеет все атрибуты научной монографии: деление на части и главы, ссылки на исторические источники, автор делает первые шаги по пути их сравнения, своеобразно трактует исторические события. Археографический обзор списков «Скифской истории» позволил выявить их большое количество, что свидетельствует о широком распространении книги.

В русской историографии до Лызлова не было труда, подобного «Скифской истории» по своим хронологическим рамкам и тематическому профилю.

Лызлов стремится проследить борьбу с татаро-монгольскими завоевателями, взаимоотношения Руси с Золотой Ордой, присоединение Казани, Астрахани, историю Крымского ханства и, наконец, длительную борьбу европейских народов с Крымом и Турцией. Он подмечает начало, расцвет и упадок государственных образований, рассматривает как внешнеполитические события, так и внутреннее положение отдельных государств. Лызлов выступает сторонником абсолютной законной монархии, противником междоусобиц и бунтов, но сознает, что благо страны зависит от положения «общенародства».

Лызлов неоднократно высказывается о возможности мирного сосуществования христианских и мусульманских государств. Он стоит за соблюдение международных договоров, порицает их нарушителей и предателей. В этом отношении он продолжает и углубляет мысли о международном праве известного дипломата и государственного деятеля России XVII в. А. Л. Ордина-Нащокина, проводника идеи международного сотрудничества.

Успех Порты он объясняет несогласием христианских го-

¹⁸⁵ В. И. Ленин, *Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?* — Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 1, стр. 153.

сударей, отсутствием единства между европейскими странами перед лицом общей опасности.

Причины падения Византии Лызлов ищет во внутреннем строе Восточной Римской империи. Описывая ход турецких завоеваний и борьбу с ними европейских народов, Лызлов всей душой на стороне последних. Он считает турецкие захваты большим бедствием для народов.

Шаг за шагом автор «Скифской истории» рисует картину титанической борьбы России, Венгрии и южнославянских стран с Турцией. Иногда он неточно передает факты, иногда опускает важные события, но общая линия, цель повествования выдержана до конца.

Автор неоднократно говорит о поражениях турок, срывает с султанов ореол таинственности и непобедимости. Много внимания автор отводит военной истории; это проявляется при описании военных операций, анализе тактики противника, внимании к технической оснащенности армий и т. д. «Скифская история» заканчивается призывом выйти из неволи объединенными силами. Историк ставит свой труд на службу патриотической цели освобождения Причерноморья и соседних стран от «тяжкого ярма». «Скифская история» была первым трудом русского историка, посвященным народам Востока. Однако автор, используя многочисленные источники, не всегда критически подходит к ним; поэтому в «Скифской истории» встречается много фактических ошибок, противоречивых и путаных суждений. Лызлов не раскрывает тяжелых условий жизни самого турецкого народа в XIV—XVI вв. и его мужественной антифеодальной борьбы.

Книга Лызлова не была исключительным явлением в русской историографии конца XVII в. Она была близка к историческим сочинениям, появившимся в тот же период. Так, с автором «Летописца царя Федора» Лызлова объединяет понимание роли истории и использование ее в назидательных целях, с «Сибирскими летописями» С. У. Ремезова — разнообразие использованных источников, с «Созерцанием кратким» Сильвестра Медведева — публицистическая заостренность, с «Синописом» Иннокентия Гизеля — широта освещения исторических проблем.

Среди названных трудов «Скифская история» занимает видное место.
